

ГЛОБАЛЬНЫЙ ДИАЛОГ

8.2

3 выпуска в год на 17 языках

Разговор о социологии
с Джоном Холлоуэем

Лабинот
Кунушевци

Неолиберальные
аналитические
центры

Карин Фишер
Дитер Плеве
Элейн МакКьюон
Эрнан Рамирес
Маттиас Киппинг

Кризис заботы

Хейди Готтфрид
Дженнифер Джихай Чун
Фиона Уильямс
Адель Блэккетт
Крис Тилли
Джорджина Рокас
Ник Теодор
Сабрина Марчетти
Хельма Лутц
Юенн Тео
Пэй-Чиа Лан
Шармила Рудраппа
Хелен Швенкен

Теоретические
перспективы

Хартмут Роза
Ясминка Лажняк

Открытый раздел

- > Китайские компании-застройщики
и крестьянское сопротивление
- > Представляем румынскую команду
«Глобального диалога»

ЖУРНАЛ

International
Sociological
Association
isa

ТОМ 8 / ВЫПУСК 2 / АВГУСТ 2018
<http://globaldialogue.isa-sociology.org/>

ГД

> От редакторов

Рыночный фундаментализм и неолиберализм определяют опыт повседневной жизни во многих частях мира. Деньги, рынки и неолиберальное мышление являются ядром современной политики в различных над-, интер-, транс- и национальных контекстах. Настоящий выпуск открывается размышлениями над этими доминирующими тенденциями нашего времени. В интервью Джон Холлоуэй, вдохновляющий и остроумный критик капитализма, рассуждает о разрушительной силе денег, динамике финансового капитализма и проблемах Европейского Союза, вместе с тем акцентируя возможность существования иного общества. Авторы нашей первой научной дискуссии о неолиберальных независимых аналитических центрах (*think tanks*) напоминают, что неолиберализм отличает сильная традиция либеральной идеи о саморегулируемых рынках. Неолиберальные аналитические центры выступают в роли влиятельных защитников данной идеи, хотя в нашей повседневной жизни мы далеко не всегда осознаем это обстоятельство. Карин Фишер, которая изучает аналитические центры в международном контексте, сформировала тематический раздел из статей, посвященных функционированию независимых аналитических центров и их влиянию на общество.

В последнее десятилетие социологи уделяют все большее внимание проблематике заботы и работы по уходу. Для второй научной дискуссии, представленной в этом выпуске ГД, Хайди Готфрид и Дженнифер Чийе Чхон, известные в этой области исследователи, составили тематический раздел, приглашающий к рефлексии над измене-

ниями, происходящими в организации ухода и практиках заботы по всему миру. Многие аспекты темы — новые рынки заботы, маркетизация тела, меняющиеся семейные и гендерные отношения, миграционные и глобальные цепочки заботы — фундаментально взаимосвязаны с трансформацией современного капитализма, гендерных, расовых и классовых отношений. Мы также представляем Научно-исследовательскую сеть по правам домашних работников (*Research Network for Domestic Workers' Rights*) — влиятельную транснациональную инициативу социальных ученых и активистов, успешно борющихся за улучшение условий труда в этом секторе занятости.

В последние годы Хартмут Роза, немецкий социолог и социальный философ, неоднократно подвергал критике такие сущностные принципы современных капиталистических обществ, как постоянная потребность ускорения, роста и конкуренции. Особенно широко обсуждается его тезис о резонансе — или недостатке резонанса — как одной из главных проблем нашего времени. В настоящем выпуске он делится идеями своей концепции резонанса.

Мы также приводим в этом номере интервью с Ясминкой Лажняк, президентом Хорватской социологической ассоциации, которое освещает события в Восточной и Юго-Восточной Европе и новые вызовы для социологии. Ещё одна статья посвящена анализу конфликтов, сопровождающих процесс урбанизации в Китае. И наконец, румынская команда представляет свою работу для «Глобального диалога». ■

Бригитте Ауленбахер и Клаус Дёрпе,
редакторы «Глобального диалога»

> «Глобальный диалог» доступен на 17 языках на [сайте МСА](#).

> Присылайте статьи на адрес globaldialogue.isa@gmail.com.

isa International
Sociological
Association

**GLOBAL
DIALOGUE**

> Редакторский совет

Редакторы: Бригитте Ауленбахер, Клаус Дёрре.

Заместители редакторов: Йоханна Грубнер, Кристине Шикерт.

Младший редактор: Апарна Сундар.

Исполнительные редакторы: Лола Бусуттил, Август Бага.

Консультант: Майкл Буравой.

Медиаконсультант: Густаво Танигути.

Редакторы-консультанты:

Маргарет Абрахам, Маркус Шульц, Сари Ханафи, Винита Синха, Бенхамин Техерина, Розмари Барбарет, Изабела Барлинска, Дилек Чиндоглу, Филомин Гутьеррес, Джон Холмвуд, Гильермина Джассо, Калпана Каннабиран, Марина Куркчян, Саймон Мападименг, Абдул-мумин Саад, Айсе Сактанбер, Сели Скалон, Савако Сирахасэ, Грацина Скапска, Эвангелия Тастсоглу, Чин-Чун И, Елена Здравомыслова.

Региональные редакторы

Арабский мир: Сари Ханафи, Мунир Сайдани.

Аргентина: Хуан Игнасио Пиовани, Пилар Пи Пуиг, Мартин Уртасун.

Бангладеш: Хабибуль Хаке Хондкер, Хасан Махмуд, Джувель Рана, У. С. Рокья Ахтер, Туфика Султана, Асиф Бин Али, Хайрун Нахар, Кази Фадия Эша, Хелал Уддин, Мухаймин Чаудхури.

Бразилия: Густаво Танигути, Андреса Гальи, Лукас Амараль Оливейра, Бенно Варкен, Анжело Мартинс Младший, Дмитри Сербонсини Фернандес.

Индия: Рашми Джайн, Джьоти Сидана, Прагья Шарма, Нидхи Бансал, Панкадж Бхатнагар.

Индонезия: Каманто Сунарто, Хари Нугрохо, Лучия Ратих Кусумадеви, Фина Итрия, Индера Ратна Иравати Паттинасарани, Бенедиктус Хари Джулиаван, Мохаммад Шохибуддин, Домингус Элчид Ли, Антониус Арио Сето Харджана, Диана Тереза Пакаси, Нуруль Айни, Гегер Риянто, Адитья Прадана Сетиади.

Иран: Рейханех Джавади, Нияйеш Долати, Сина Бастани, Сайед Мухаммад Муталлеби, Вахид Ленджанзаде.

Казахстан: Айгуль Забирова, Баян Смагамбет, Адиль Родионов, Алмаш Тлеспеева, Куаныш Тель.

Польша: Якуб Баршевски, Ивона Бояджиева, Катажина Дембска, Паулина Домагальска, Лукаш Дульняк, Кшиштоф Губаньски, Сара Херчиньска, Юстина Кошиньска, Каролина Миколаевска-Зайонц, Адам Мюллер, Зофия Пенза-Габлер, Александра Сенн, Анна Вандзель, Яцек Зых.

Россия: Елена Здравомыслова, Анастасия Даур, Валентина Исаева.

Румыния: Косима Ругиниш, Раиса-Габриэла Замфиреску, Мария-Лоредана Арсене, Дениса Дан, Диана Александра Думитреску, Раду Думитреску, Юлиан Габор, Дан Гитман, Алина Хоарэ, Александра Иримие-Ана, Кристиана Лотря, Анда-Оливия Марин, Бьянка Михэйлэ, Андрея Елена Молдовяну, Оана-Элена Негря, Мьоара Параскив, Кодруц Пынзару, Сусана Мария Попа, Элена Тудор.

Тайвань: Чжин Мао Хо.

Турция: Гюль Чорбаджоглу, Ирмак Эврен.

Франция/Испания: Лола Бусуттил.

Япония: Сатоми Ямамото, Сара Маэхара, Масатака Эгути, Юко Масуи, Рихо Танака, Мариэ Ямамото, Каори Хатия, Аяна Канэюки, Эрика Куга, Кая Одзава, Цукаса Сигабаки, Митиаки Юаса.

Джон Холмуэй, ведущий социолог-марксист, обсуждает возможности создания общества, основанного на принципах взаимного признания человеческого достоинства, и напоминает нам о необходимости освобождать креативные силы общества от господства денег.

В мире растёт влияние **неолиберальной экспертизы аналитических центров** на принятие политических решений. В этом разделе журнала обсуждаются корни и механизмы развития сетей неолиберальной аналитической экспертизы и ее политическое, социальное и экономическое влияние в мировом масштабе.

Этот тематический раздел посвящен проблематике **заботы и домашнего труда**. Социологи разных стран анализируют трансформацию этой сферы занятости, стратегии международного сотрудничества профессиональных организаций домашних работников и их борьбу за достойные условия своего труда.

«Глобальный диалог» стал возможен благодаря щедрому гранту **SAGE Publications**.

> В номере

От редакторов 2

> РАЗГОВОР О СОЦИОЛОГИИ

Капитализм — неопределённое будущее человечества:
интервью с Джоном Холлоуэем

Лабинот Кунушевци, Косово 5

> НЕОЛИБЕРАЛЬНЫЕ АНАЛИТИЧЕСКИЕ ЦЕНТРЫ

Сети неолиберальных независимых аналитических центров
Карин Фишер, Австрия 8

Сеть «Атлас»: глобальное наступление аналитических
центров свободного рынка
Карин Фишер, Австрия 10

Сложность и упрощение: аналитические центры
о вопросах европейской политики
Дитер Плеве, Германия 12

Корпоративные специалисты по климатическому скептицизму
Элейн МакКьюон, Австралия 14

Бразильская сеть неолиберальных аналитических центров
Эрнан Рамирес, Бразилия 16

Консультативные аналитические центры: инструмент
маркетинга или гегемонии?
Маттиас Киппинг, Канада 18

> КРИЗИС ЗАБОТЫ

Практики заботы, пересекающие границы:
трансформация заботы
Хейди Готтфрид, США, Дженнифер Джихай Чун, Канада 20

Существует ли глобальный кризис заботы?
Фиона Уильямс, Великобритания 22

О стандартах МОТ в отношении условий достойного труда
домашних работников
Адель Блэккетт, Канада 24

Интерсекциональные истории об организации
домашних работников
Крис Тилли, США, Джорджина Рохас, Мексика,
Ник Теодор, США 26

Глобальное управление оплачиваемым домашним трудом
Сабрина Марчетти, Италия 29

Маскулинность и отцовство: женщины уезжают
на заработки, их партнёры остаются дома
Хельма Лутц, Германия 31

Сингапур — прекрасное место для воспитания
детей... Но не для всех!
Юенн Тео, Сингапур 33

Рекрутирование и подготовка домашних работников
в Японии
Пэй-Чиа Лан, Тайвань 35

Беременность и деторождение как оплачиваемый труд
Шармила Рудраппа, США 37

Исследовательская сеть по защите прав домашних работников
Сабрина Марчетти, Италия, Хелен Швенкен, Германия 39

> ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ

Идея резонанса как социологическая концепция
Хартмут Роза, Германия 41

Социологии нужно сотрудничество, а не балканизация:
интервью с Ясминкой Лажняк
Лабинот Кунушевци, Косово 45

> ОТКРЫТЫЙ РАЗДЕЛ

Сила аутсайдеров: китайские компании-застройщики
и крестьянское сопротивление
Юэ Ду, США 48

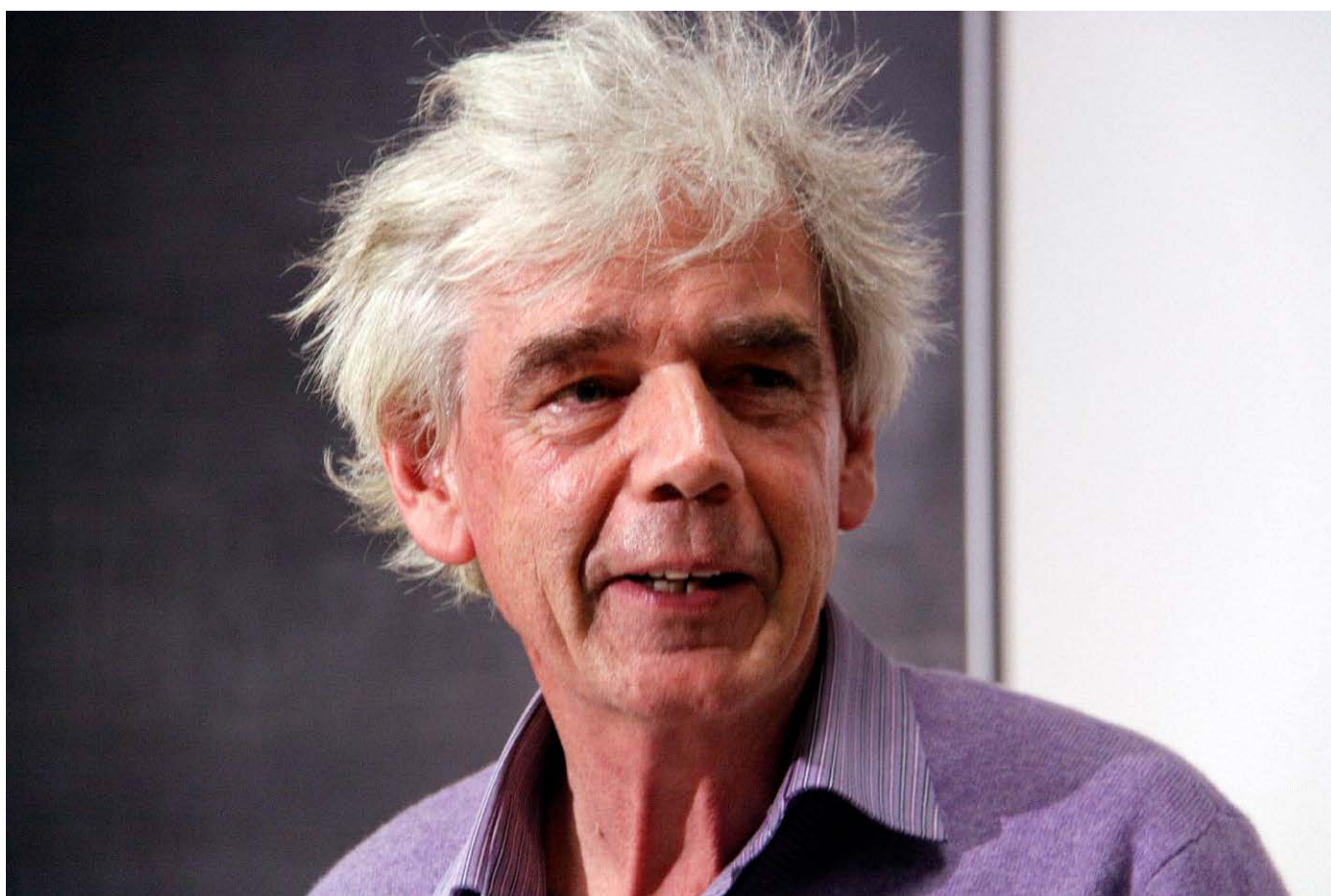
Представляем румынскую команду «Глобального диалога» 50

“Перед нами сегодня стоит лишь один научный вопрос: как выйти из создавшейся ситуации? Как остановить гонку, ведущую к саморазрушению человечества? Как создать общество, основанное на взаимном признании человеческого достоинства?”

Джон Холлоуэй

> Капитализм — неопределённое будущее человечества

Интервью с Джоном Холлоуэем

5

Джон Холлоуэй — профессор социологии в Автономном университете штата Пуэбла в Мексике. Он много пишет о марксистской теории, о движении Запатисты и о новых формах борьбы с капитализмом. Его монография *Change the World Without Taking Power* («Изменение мира без захвата власти», 2002, новое издание — 2010) была переведена на 11 языков и вызвала международную дискуссию. Его недавняя книга *Crack Capitalism* (Трещины капитализма, 2010) развивает первоначальный аргумент. В этой работе автор утверждает, что в современном мире единственная возможность революции связана с созданием,

| Джон Холлоуэй.

расширением, мультипликацией и распространением зазоров (трещин) в системе капиталистического господства. Данное интервью является частью проекта по изучению новых влиятельных направлений социальной теории, который предполагает исследование пространства пересечения международной социологии и национальных социологических традиций. Интервью с известными социологами является одним из основных инструментов данного проекта. Интервьюер — **Лабинот Кунушевци** — ассоциативный член сети молодых социологов МСА, магистр социологии Университета Приштины, Косово.

>>

ЛК: Существует несколько социальных теорий, которые рассматривают мир как социальную систему и анализируют процессы, порождающие глобальное неравенство. Как вы оцениваете роль марксистской теории сегодня, и каково, на Ваш взгляд, будущее марксизма и марксистов?

ДХ: Перед нами сегодня стоит лишь один научный вопрос: как выйти из создавшейся ситуации? Как остановить гонку, ведущую к саморазрушению человечества? Как создать общество, основанное на взаимном признании человеческого достоинства?

Другими словами, речь идет не о предпочтении той или иной школы социальной теории. Мы должны, прежде всего, признаться, что мы не знаем ответов. Мы не знаем, как осуществить социальную трансформацию, которая столь необходима, и нужно начать рассуждение, исходя из этой позиции. Марксистская интеллектуальная традиция также не дает нам ответов, но она хороша уже тем, что сформулировала сам вопрос о революции. Что касается будущего — я не знаю. Но в мире растет социальный гнев, и если он не будет направлен к радикальной социальной трансформации, будущее будет наверняка мрачным. В этом смысле марксизм (или иная революционная теория) имеет решающее значение для будущего человечества.

ЛК: В газете *Daily Mail* недавно сообщалось, что обнаружены документы, раскрывающие следующие факты. Представители сахарной промышленности заплатили известным гарвардским ученым за публикацию результатов исследования, утверждающих, что жиры, а не сахар, являются основными причинами сердечных заболеваний. Таким образом была разоблачена коррупция научного сообщества в целях капиталистической прибыли. Как Вы объясните феномен академической коррупции в пользу капитализма?

ДХ: В мире, где господствуют деньги, коррупция встроена в функционирование системы, а научная деятельность также является частью этой системы. Но дело не только в таких очевидных случаях коррупции, о которых говорите Вы. Проблема заключается в существовании научных и социальных сил, которые заставляют нас быть конформными и принимать общество, которое нас убивает. Я предполагаю, что все читатели этого интервью, имеют какое-либо отношение к науке: это и студенты, и профессора. Вызов, стоящий перед нами, заключается в следующем: как изменить нашу академическую работу так, чтобы она была направлена против деструктивной и мерзкой системы. Как осуществить такой поворот во всех академических практиках — на семинарских занятиях, в наших выступлениях, в текстах, которые мы пишем?

ЛК: Я исследую паттерны маскулинности, связанные с различными позициями властной иерархии. Рей-

ен Конелл сказала мне в интервью: «Важно обратить внимание на гендерное измерение действий людей, обладающих экономической и государственной властью, чтобы объяснить этот феномен». Аналогичным образом Энтони Гидденс сказал мне в интервью: «Глобальный финансовый кризис (который еще далек от полного разрешения) отображает некоторые существенные характеристики гендерных отношений. Нужно обратить внимание на ту роль, которую играет «заряженная маскулинность» (*charged masculinity*) в агрессивном поведении игроков финансовых рынков». Что Вы думаете о роли игроков мировых денежных рынков и связи маскулинности с экономической властью?

ДХ: Интересный вопрос! Я думаю, я бы истолковал эти суждения совершенно противоположным образом. Агрессивное поведение игроков мировых денежных рынков во время финансового кризиса не является результатом их гендерной принадлежности. Скорее, наоборот. Агрессивное поведение является результатом воздействия природы денег и ее постоянного ненасытного стремления к экспансии. Агрессия, присущая природе денег, приводит к тому, что с большой вероятностью наиболее эффективный и компульсивный слуга денежного мира будет обладать надлежащей маскулинностью. Этот эффект появляется благодаря тому, что организация нашего общества исторически продвигала такой тип поведения в большей степени среди мужчин, чем среди женщин. Пока существуют деньги, поведение тех, кто посвящает свою жизнь денежной экспансии, будет агрессивным, независимо от их гендерной принадлежности. Чтобы избавиться от того типа поведения, которое мы обозначаем как маскулинную агрессию, мы должны избавиться от денег и установить социальные отношения на другом, более осмысленном основании.

ЛК: Как создать форму ответственного капитализма, при которой накопление богатства может сосуществовать с удовлетворением социальных потребностей?

ДХ: Это невозможно. Капитал представляет собой отрицание создания богатства, направленного на удовлетворение социальных потребностей. Капитал — это создание богатства, предполагающего экспансию стоимости; капитал приводится в движение стремлением к прибыли. Сейчас ясно как никогда, что такой тип создания богатства ведет нас к самоуничтожению.

ЛК: Согласно данным проекта Рональда Инглехарта, посвященного глобальному исследованию ценностей, существует две системы ценностей: материалистическая и традиционная. Как идеи, сформулированные в Ваших работах, объясняют динамику и флуктуацию этих систем ценностей, и как эти ценностные системы воздействуют на неравенство, порожденное капитализмом?

>>

ДХ: Я не думаю, что речь может идти о балансе различных систем ценностей. На мой взгляд, мы находимся в ловушке системы, которая характеризуется ростом насилия, ростом эксплуатации и ростом неравенства. Не существует ничего промежуточного, не существует нежного капитализма, компромисс невозможен. Опыт ваших ближайших соседей — греков — как раз это и показывает со всей очевидностью. В своих книгах я утверждаю, что мы должны порвать с капитализмом, но мы не знаем, как именно это сделать, поэтому мы должны думать и экспериментировать. Как показывает Ваш собственный югославский опыт и многие подобные, разрыв с капитализмом не может осуществиться с помощью государства. Значит нужно искать другие пути. В своей книге *Crack Capitalism* я анализирую альтернативные способы организации жизни и экономики как миллионы трещин, которые уже пронизывают капиталистическую текстуру. Миллионы экспериментов возникают по необходимости или как сознательные попытки создать иной образ жизни. Я прихожу к заключению, что единственный способ помыслить революцию в современном мире — это осмыслить ее в терминах создания, экспансии, умножения и расширения этих трещин.

ЛК: Верите ли Вы в возможность создания эгалитарного общества?

ДХ: Да, я верю в это, но не считаю вопрос равенства таким уж принципиальным. Главная проблема заключается в том, сможем ли мы освободить нашу творческую энергию, нашу деятельность от господства денег. Возможно ли это в принципе? Надеюсь, что это возможно, потому что я не представляю иного будущего для человечества.

Возможно, нужно перефразировать Ваш вопрос и спросить: верите ли Вы, что можно продолжать жить в обществе, которое организовано так, как оно организовано сейчас? На такой вопрос я отвечу следующим образом: Да, скорее всего, это возможно, но только в краткосрочной перспективе. Потому что, скорее всего, капитализм очень скоро разрушит наш мир. Идет решительная гонка. Сможем ли мы избавиться от капитализма до того, как он покончит с нами? Я не знаю ответа на этот вопрос, но я точно знаю, на чьей я стороне в этом состязании.

ЛК: В результате референдума ВБ приняла решение о выходе из ЕУ, и сама Европа сталкивается с множеством проблем, в числе которых, прежде всего, структурный, экономический и политический кризисы. Эти проблемы хорошо объясняет Джозеф Стиглиц, Нобелевский лауреат по экономике. Он утверждает, что давление США, МВФ и Мирового банка привело государства к приватизации бюджетных ресурсов, сопровождаемой дэиндустриализацией экономики. Это же

давление породило легко контролируемых олигархов. Как эти явления повлияют на другие страны в Европе и за ее пределами в контексте глобального кризиса?

ДХ: Ваши последние слова — «глобальный кризис» — крайне важны в этом контексте. Сапатисты говорят о «буре» (*la tormenta*), которая надвигается на нас и разразится в ближайшие годы. Этот шторм ощущается во всем мире: Трамп и Брексит — его прямые признаки. Как мы реагируем на это? Мы обращаем наш гнев против капитала. И в ближайшей перспективе мы делаем все возможное, чтобы отвергнуть национализм. Рост национализма в современной Европе имеет устрашающие масштабы. А для нас очевиден урок истории: национализм означает смерть, убийство и более ничего.

ЛК: Поскольку Косово – это маленькая страна, которая стало независимой только 10 лет назад, мы сталкиваемся с множеством проблем, особенно в процессе либерализации визового режима и интеграцией в ЕУ. Изоляция ограничивает свободу передвижения, сокращает контакты с другими европейскими странами и культурами, препятствует интеграции в европейский рынок, создает барьеры для доступа к европейским рабочим местам. И это происходит в условиях, когда 60% нашего населения составляют люди моложе 25 лет. Мы чувствуем потребность в интеграции и принадлежности к Европейскому союзу. Что мы должны делать, по Вашему мнению, чтобы Косово интегрировалось в Европу?

ДХ: Вы действительно считаете, что «принадлежность к Европейскому Союзу» означает то же самое, что и «интеграция в Европу»? Это совершенно разные вещи. Европейский Союз – это авторитарная структура, в значительной мере оформленная по принципам неолиберализма. Неудивительно, что люди протестуют против него, однако, пугающей частью этого отрицания является национализм (в случае Брексита, например). Для меня самая важная характеристика Европейского Союза заключается в том, что он вырос в результате борьбы против границ после бойни Второй Мировой войны. Мы должны продолжать бороться против границ, если мы хотим сохранить лучшее в проекте Европейской интеграции. Что это означает для Косово? Прежде всего, это означает открытие границ для мигрантов, которые приезжают из Европы, Ближнего востока, Африки и других мест. Именно так Вы можете содействовать контакту с другими странами и культурами, только так мы можете обогатить жизнь тех 60% населения страны, которым меньше двадцати пяти лет. ■

Адреса для связи:
Лабинот Кунушевици <labinotkunashevci@gmail.com>
Джон Холлоуэй <johnholloway@prodigy.net.mx>

> Сети неолиберальных независимых исследовательских центров

Карин Фишер, Университет Иоганна Кеплера, Австрия

Неолиберальные аналитические центры поддерживают трансграничные связи и координируют свою деятельность в глобальном масштабе.

Независимые аналитические центры отличаются большим разнообразием, их число неуклонно увеличивается, а значимость возрастает. Прежде они существовали как дополнительные структуры при университетах, исследовательских институтах заинтересованных групп или же членских организациях. Постепенно аналитические центры становятся влиятельными игроками в политике и её разработке. Становясь все более распространенной, модель аналитического центра постепенно вытесняет университетских интеллектуалов на периферию общественно-политической дискуссии. Специалисты независимых центров заменили университетских профессоров в качестве «экспертов» в СМИ.

Профессионалы, работающие в аналитических центрах, стремятся представить себя технократами, которые производят нейтральное знание, руководствуясь научно-обоснованными подходами. Кроме того, традиционное американское понимание аналитического центра акцентирует независимость экспертизы и интерес к экспертному знанию со стороны общественности.

Однако, несмотря на рекламные образы, большинство аналитических центров ориентированы на поддержку вполне определенных политических программ. Как организации занимающиеся экспертизой политических программ, консалтингом и распространением результатов своей деятельности они получают, производят и транслируют только специфическое знание.

Такая деятельность соответствует минимальному требованию функционирования независимого аналитического центра, что, конечно, не исчерпывает полностью спектр его активности. Заслуга критических исследований, проводимых такими структурами, заключается в экспликации того, что экспертиза независимого аналитического центра носит скорее политический, чем нейтральный характер, и является скорее спорной, чем объективной. Аналитические центры занимают позицию на пересечении интересов науки, экономики, политики и СМИ, и потому могут рассматриваться как составляющая процессов формирования привилегий, гражданского общества и классовых границ.

Аналитические центры рыночного формата несомненно играют значимую роль в «наращивании потенциала» неолиберальных правых. Они стали стратегическими первоходцами «неолиберальной контрреволюции» 1970-х годов. С этого времени сложившиеся сети центров участвуют в «идейной борьбе» и способствуют укреплению неолиберальной парадигмы. Сети аналитических центров действуют поверх национальных границ, хорошо скоординированы между собой и носят преимущественно элитарный характер. Они стремятся завоевать как можно большую аудиторию и оказывать влияние на механизмы управления на национальном и международном уровнях. Независимые аналитические центры проявляют немалую изобретательность и инвестируют корпоративные деньги в развитие определенных идей и политических сценариев. Транснациональная неолиберальная архитектура до сих пор не имеет серьезных конкурентов, поскольку могущественные корпорации и миллиардеры склоняются преимущественно к позиции политических правых. Рыночный инвайронментализм и климатический скептицизм являются примерами идей, развиваемых неолиберальными и неоконсервативными сетями аналитических центров и финансируемых топливными, горнодобывающими и энергетическими отраслями промышленности.

Статьи настоящего раздела затрагивают различные аспекты феномена независимых аналитических центров. Карин Фишер прослеживает развитие сети Атлас (Atlas Network), показывая, что изучение аналитических центров должно выходить за рамки изучения отдельных организаций. Дитер Плеве представляет сетевой подход к изучению развивающегося (неолиберального) ландшафта аналитических центров в Европе (<http://thinktanknetworkresearch.net>). Плеве анализирует политику ангажированных аналитических центров, направленную на неолиберальную и консервативную трансформацию Европейского союза.

Два кейс-стади демонстрируют ожесточённую «идейную борьбу». Элейн МакКьюон описывает деятельность неолиберального аналитического центра в Австралии, критикующего концепцию изменения климата. Она выявляет широкую (корпоративную) сеть влияния этих идей и подчеркивает, что аналитические центры являются звеньями организованных неолиберальных сетей. В Бразилии аффилированные с сетью Атлас «борцы за свободу» были главными противниками Партии трудящихся и критиками президентского правления Дилмы Русеф. Эрнан Рамирес считает, что аналитические центры как политические акторы нового типа появились в 1960-е годы и показывает их взаимосвязи с более ранними структурами подобного рода, организованными неолиберальными сетями в Бразилии и за её пределами.

В заключение Маттиас Киппинг в своей статье показывает, что современная модель независимого аналитического центра характеризуется исключительно искусным сокрытием ангажированности производимого знания. Глобальные коммерческие консалтинговые компании позволяют себе роскошь поддерживать аналитические центры, извлекая выгоду из их якобы некоммерческого характера и притязаний на легитимные, «научно обоснованные» знания.

Итак, что предлагают авторы для критического осмысления деятельности независимых аналитических центров? Во-первых, политические или идеологические аналитические центры должны изучаться как транснациональные сети индивидов, организаций и идей. Во-вторых, исследование должно распознать логику заинтересованных лиц и сферу влияния аналитического центра или сети в терминах идеологических, финансовых, политических и академических интересов. В-третьих, исследование этой тематики должно включать более широкую перспективу и рассматривать аналитические центры в контексте гражданского общества и процессов формирования классов. ■

> Сеть «Атлас»: глобальное наступление аналитических центров свободного рынка

Карин Фишер, Университет Иоганна Кеплера, Линц, Австрия

Изменение представлений о современном мире на основании принципов доходности.

Энтони Фишер — британский бизнесмен, выходец из семьи высшего класса — прочитал в журнале «Ридерз дайджест» (*Reader's Digest*) приведённую в сокращении работу Ф.А. Хайека «Дорога к рабству» (*The Road to Serfdom*, 1944), которая произвела на него сильнейшее впечатление. В этой книге военного времени Хайек связал социализм с фашизмом и обрушился с критикой на государственное планирование, которое, по его мнению, неизбежно приводит к рабству. После Второй мировой войны Фишер собирался заняться политикой, но Хайек убедил его «забыть политику. Политики просто руководствуются доминирующими взглядами. Если ты хочешь влиять на события, ты должен влиять на идеи». Иными словами, необходимо убеждать учёных, учителей, писателей, журналистов, а политики последуют за идеями интеллектуальной элиты. Так родилась идея независимого аналитического центра.

Трудно представить, чтобы Хайек мог найти более подходящего кандидата для создания института, целью которого стало распространение идей свободного рынка, ограничение государственного вмешательства и развитие индивидуальной свободы в условиях верховенства закона. Фишер основал Институт экономики (*Institute of Economic Affairs*, IEA) в 1955 году в Лондоне. Институт немедленно открыл идеоло-

гический огонь по политическому истеблишменту, как выразился один из его председателей. Со временем IEA обратил сторонников партии Тори в неолибералов. Он сформировал избирательную платформу Маргарет Тэтчер и помог выработать экономическую политику, особенно в сфере приватизации и дерегулирования экономики.

После успеха проекта IEA Фишер, опираясь на связи с неолиберальными кругами элиты, такими как Общество Монпелерин (*Mont Pelerin Society*, MPS), направил всю свою энергию на развитие неолиберальных независимых аналитических центров в разных странах. Он содействовал созданию таких организаций, как Манхэттенский институт (*Manhattan Institute*) и Национальный центр политического анализа (*National Center for Policy Analysis*) в США, Институт Фрейзера (*Fraser Institute*) в Канаде и Центр независимых исследований (*Centre for Independent Studies*) в Австралии. В начале 1980-х гг. открылись новые возможности развития. Задача Фонда экономических исследований «Атлас» (*Atlas Economic Research Foundation*), или просто сети «Атлас» (*Atlas Network*), состояла в том, чтобы «размножить» по всему миру аналитические центры свободного рынка, по выражению Джона Бланделла, прежнего президента Атласа, генерального директора IEA и члена MPS. Со времени сво-

>>

его основания в 1981 году Атлас основал или содействовал развитию около 475 институтов в 90 странах мира, от Чили до Гонконга и от Исландии до Ганы. Большая часть организаций находится в США и Европе. В Латинской Америке расположено 78 институтов, в Восточной и Юго-Восточной Азии не менее 37 радикальных прорыночных независимых аналитических центров (<https://www.atlasnetwork.org/partners/global-directory>).

Предпринимательское прошлое Фишера и связи в Обществе Монпелерин обеспечили ему доступ к кругам экономической элиты. Инвестор Джон Темплтон и ряд других банкиров, а также представители компании «Дженерал Электрик» были среди первых спонсоров. «Пфайзер», «Проктэр энд Гэмбл», «Шелл», «ЭксонМобил», «Бритиш Американ Тобакко» «Филип Моррис» из списка компаний *Fortune 500* также присоединились к щедрому фронту инвесторов. Транснациональный капитал, местные экономические группы и семейные фирмы обеспечивали комфортную финансовую основу работы аналитических центров, аффилированных с сетью «Атлас», в различных регионах. Несмотря на частые заявления о независимости от государственного финансирования, члены сети «Атлас» получают денежные средства, например, от Госдепартамента США и Национального фонда поддержки демократии (*National Endowment for Democracy, NED*).

> Стратегическое тиражирование и межстрановая организация

«Атлас» является зонтичной организацией. С одной стороны, она обеспечивает начинающих предпринимателей аналитических центров значительным стартовым капиталом и рекомендациями, помогает установить связи с инвесторами. С другой стороны, «Атлас» осуществляет интеграцию сотрудников через различные совместные события, например, Региональные форумы свободы (*Regional Liberty Forums*), выдаёт награды и гранты на поездки.

«Атлас» развивает программы обучения лидеров и предлагает Курс по деловому администрированию для руководящих кадров. Таким образом, «Атлас» повышает уровень профессионализма аналитических центров и их сотрудников по всему миру.

В семью «Атлас» входят самые разнообразные аналитические центры. Среди них есть организации, которые производят и популяризируют «чистую доктрину» и сохраняют дистанцию по отношению к конкретным политическим сценариям. Хорошим примером в этом отношении являются те, кто ведет «идейную борьбу» в логике Хайека и Австрийской школы. Другие центры больше ориентированы на практическую общественно-политическую деятельность и занимаются оказанием консультационных услуг. Существуют и такие центры, чья работа выходит за пределы исключительно интеллектуальной деятельности и направлена на конкретные действия, такие как инфильтрация, фейковые новости и диффамация противников. Так, например, новые группы сети «Атлас» в Бразилии поддерживают культурную войну против Партии трудящихся (*Workers' Party*) и её представителей.

С самого начала у основателей неолиберальных институтов были глобалистские воззрения. Уничтожение барьеров торговли и инвестиций является ключевой идеей утопии «космополитического капитализма». Международная перспектива учитывается также во всех случаях интервенции

неолиберального государства — и этот факт часто остаётся без внимания. В середине 1980-х организация «Атлас» начала пропагандировать идеологию свободного рынка и выстраивать интеллектуальные круги единомышленников в бывших социалистических странах Восточной Европы. 1980-е и 1990-е годы также были решающими в деятельности аналитических центров в Латинской Америке и Азии. За международным и региональным долговыми кризисами последовала политика структурных преобразований. Пока независимые университетские научно-исследовательские центры переживали не лучшие времена, полностью укомплектованные аналитические центры занимались разработкой рекомендаций по мерам жёсткой экономии в сферах экономики и социальной политики. Это также касается стран Севера, где глобальный финансовый кризис 2007–2008 гг. побудил аналитические центры свободного рынка к действию и пропаганде политики жёсткой экономии. Таким образом, мы можем наблюдать, что смена режимов, кризисы, политические беспорядки предоставляют аналитическим центрам прекрасную возможность для мобилизации ресурсов и формирования повестки дня.

> Одно послание, много голосов

Каковы ключевые принципы, которые защищает организованный неолиберализм в ходе идеологической борьбы? Борцы за свободу из сети «Атлас» прилагают согласованные усилия против государства всеобщего благосостояния, содействуя приватизации системы социального обеспечения в жилищной сфере, сферах социальной защиты, здоровья и образования. Рекомендации по формированию государственной политики фокусируются на дерегулировании и восстановлении регулирования для создания благоприятных условий для ведения бизнеса; при этом низкие налоги всегда считаются целесообразными. Транснациональная кампания в защиту «твёрдой валюты» лоббирует денежные реформы, базирующиеся на жёстких монетаристских принципах. Вступление лидера кампании Джуди Шелтон на должность советника Дональда Трампа по экономическим вопросам (и её выдвижение на должность председателя Национального фонда поддержки демократии (*National Endowment for Democracy*)), вполне вероятно, усилят эти политические меры. На Глобальном Юге в фокусе политики — укрепление прав собственности. Бедные рассматриваются как новые предприниматели, обученные извлекать доходы из различных источников. Единственное, что необходимо сделать, — устранить ограничивающие нормативные акты и восстановить права собственности. «Атлас» гордится тем, что Всемирный банк следует именно этой методологии. Индекс ведения бизнеса, разработанный Всемирным банком, полностью отвечает всем рекомендациям организации «Атлас».

Неолиберальная политика ставится под вопрос, и борцы за свободу встречают сопротивление. Существуют разногласия и внутри семьи «Атлас». Но транснациональная неолиберальная архитектура сети «Атлас» следует основополагающему принципу Фишера о стратегическом тиражировании: один институт звучит как одинокое соло; в то время как много институтов, поющих в унисон, создают хор голосов, необходимый для формирования общественного мнения и, в конечном счете, государственной политики. ■

Адрес для связи: Карин Фишер <Karin.Fischer@jku.at>

> Сложность и упрощение: аналитические центры о вопросах европейской политики

Дитер Плеве, Центр социальных наук в Берлине (WZB), Германия

Иллюстрация Арбу.

Стало общепринятым мнение об усложнении процесса принятия политических решений и претворения их в жизнь. Это особенно справедливо в отношении общих для многих стран и взаимосвязанных юрисдикций, таких как Европейский союз и других пространств интер- и транснациональной координации и кооперации. Возрастающая сложность требует противоположного — упрощения. Мы задаёмся следующими вопросами: каким образом сохраняется релевантное знание на входе этого уравнения и по каким каналам оно распространяется в обществе? Кто формирует повестку дня, а какие темы остаются за её пределами?

В то же время для сегодняшней ситуации характерен рост доверия экспертизе, что содействует ее политизации. Если спорные вопросы рассматриваются на уровне экспертизы, то дискуссионность проблемы неизбежно влечёт за собой конкурирующую экспертизу, что в свою очередь

затрудняет меры по упрощению и требует распознавания значимых различий.

Очевидно, что в противоположность широко распространённым рекламным образам, аналитические центры существуют не просто для того, чтобы поставлять объективные данные. Конкурирующие аналитические центры предоставляют политически ангажированную информацию, которая ориентирована на разные и часто противоположные цели, проекты и картины мира.

> Создание релевантности на уровне ЕС

Европа известна параллельным развитием наднационального ведения переговоров, принятия решений и лоббирования. Но Европейский Союз — это также огромное пространство торговли экспертизой, как научной, так и политической. Европейский совет и Европейский парламент

наряду с Европейской комиссией стали главными объектами влияния и торговли экспертизой. Об этом можно судить по результатам мажоритарного голосования в Евросовете, и возрастанию полномочий Европарламента в процедуре совместного принятия решений. Ввиду слабой институциональной инфраструктуры в целом и нехватки собственной экспертизы, в частности, пространство европейской политики открыто для внешних источников знания. Так, сотни экспертных групп уровня ЕС функционируют на постоянной и временной основе.

Неудивительно, что быстро растёт количество как европейских заинтересованных групп, так и независимых аналитических центров. В противоположность коммерческим лоббистским компаниям, многие аналитические центры носят некоммерческий характер и претендуют на легитимность знания. Как следствие, знание заинтересованных групп воспринимается как предвзятое по определению. В то же время информация, производимая аналитическим центром, представляется как объективная, даже если исследование оплачено клиентом, имеющим далеко идущие интересы. Укрепление позиции аналитических центров поддерживается как их собственным позитивным образом, так и негативным образом лоббистских групп. Их значимость в производстве экспертного знания усиливается, несмотря на тесную взаимосвязь работы центров с лоббистской деятельностью.

В результате европейской интеграции большинству национальных аналитических центров в государствах-членах ЕС приходится обращаться к вопросам европейской политики. Число аналитических центров, занимающихся вопросами Евросоюза, стремительно растёт. Один из таких примеров — британская организация «Открытая Европа» (*Open Europe*), имеющая офисы в Лондоне, Брюсселе и Берлине. Она оказывает содействие ЕС как исключительно экономическому союзу. «Открытую Европу» поддерживают представители британских бизнес-кругов и Консервативной партии (Тори). Как и многие прорыночные аналитические центры она была частью Стокгольмской сети (*Stockholm Network*) — британского ядра одной из самых больших неолиберальных европейских сетей аналитических центров с середины 1990-х до 2009 г., насчитывающих более ста участников. Эту организацию впоследствии сменил «New Direction Foundation» (Фонд Нового направления) и связанная с ним сеть аналитических центров Альянса европейских консерваторов и реформистов (*Alliance of European Conservatives and Reformists*). В результате Брексита пострадают и партийная сеть и фонд, но «Открытая Европа» и *New Direction Foundation*, вероятнее всего, продолжат сотрудничать в проектах неолиберальной и консервативной трансформации ЕС. Поскольку после Брексита британские группы по интересам утратят доступ к кругам, принимающим решения на европейском уровне, то, скорее всего, они обратятся к альтернативным каналам, среди которых, прежде всего, аналитические центры.

На смену прекратившей своё существование Стокгольмской сети приходит международное сотрудничество, ориентированное на выполнение конкретных задач. Например, *Epicenter Network* отвечает за «индекс опекающего государства» (*“nanny state index”*), продвигаемый шведским аналитическим центром *Timbro*. Цель — противостоять государственному регулированию и содействовать «свободе потребителя». *Timbro* представляет собой влиятельную организацию, спонсируемую шведскими бизнес-ассоциациями с конца 1970-х гг. и хорошо известную своей агрессивной неолиберальной пропагандой в Швеции и по всей Европе.

Timbro продвигает введение мер жёсткой экономии, «гибких гарантий» и неолиберальную трансформацию социального государства в целом.

> Формирование и отбор знаний о европейской интеграции

Среди крупнейших европейских аналитических центров, которые поддерживают европейскую интеграцию, Немецкий центр прикладных политических исследований (*German Centre for Applied Policy Research*). Он опирается на финансовые и организационные ресурсы одного из самых больших в Германии частных корпоративных фондов — *Bertelsmann Foundation*, а также Мюнхенского университета имени Людвига Максимилиана. Другой пример — организация *Notre Europe* во Франции. Она была учреждена бывшим президентом комиссии ЕС Жаком Делором и располагается в Париже и Берлине. *Notre Europe* представляет собой пример аналитического центра, работающего по принципу «вращающейся двери»: основанный брюссельскими инсайдерами, теперь он обеспечивает возможности карьерного роста молодым профессионалам.

Представляется целесообразным закончить наше описание, обратившись к опыту центра «Брейгель» (*Bruegel*) — самого заметного аналитического центра, занимающегося проблемами международной экономики и европейской экономической политики. Центр был основан для продвижения французских и немецких интересов в 2005 году. В настоящее время в организации работает 30 сотрудников. Брейгель получает финансирование от разных стран-участниц и корпораций, что позволяет ему сохранять дистанцию по отношению к Еврокомиссии. Центр завоевал серьёзную репутацию, благодаря своей научной работе и политической аналитике. Однако когда центр поддержал выпуск еврооблигаций как средство борьбы с финансовым кризисом, разразился настоящий скандал. Источником финансирования со стороны Германии выступает Министерство финансов и экономики. Министр экономики Германии пришёл в негодование, когда предложение французских и немецких экономистов, связанное с социальной демократией, казалось бы, получило политическую поддержку. Авторитет Брейгеля грозил подорвать упорное сопротивление Германии объединению суверенного долга. В 2012 году точку в этом вопросе поставила Ангела Меркель («только через мой труп»). В попытке примирить инвесторов и аналитический центр, немецкая должность в консультативном комитете Брейгеля была отдана ближайшему к Меркель советнику по экономике, Ларсу-Хендрику Рёллеру.

Пожалуй, даже важнее внутренних европейских взаимосвязей знания и власти является трансатлантическое направление деятельности Брейгеля. Оно было создано как стратегический партнёр и институт, аналогичный Институту мировой экономики Петерсона (*Peterson Institute for International Economics*) в Вашингтоне, округ Колумбия. Например, когда евробонды обсуждались в американских СМИ, предложение Брейгеля по синим облигациям было ключевой темой. В условиях возрастания сложности, интеллектуалы, журналисты и лица, принимающие решения, упрощают жизнь, создавая иерархию в сфере производства знания. И не важно, насколько политически ангажированным является это упрощение. ■

Адрес для связи: Дитер Плеве <dieter.plehw@wzb.eu>

> Корпоративные специалисты по климатическому скептицизму

Элейн МакКьюон, Технологический университет Сиднея, Австралия

Иллюстрация Рокко Факцари.

Политика климатического скептицизма существовала задолго до политики постправды и тезиса о «смерти экспертизы». Последние 30 лет в США и Австралии мы видим, как ростки этого коварного феномена взрывают картину общественных дебатов. Мы наблюдаем конструирование фальшивой научной дискуссии в СМИ (это, по сути, фейковые новости, основанные на компетенции фейковых экспертов); партизанскую войну с научно-обоснованным знанием; дискредитацию академического и научного производства знания; создание теории заговора, сфабрикованной чтобы оклеветать учёных, уничтожить доверие общества к науке и разжечь антинаучное социальное движение такой степени истерии и враждебности, что смягчение последствий изменения климата уже кажутся невозможными.

Климатический скептицизм наиболее жёстко и успешно проявил себя в США и Австралии, где неолиберальные независимые аналитические центры финансируются топливными, горнодобывающими и энергетическими отраслями промышленности. Здесь эти организации выступают в роли политических предпринимателей, формируя повестку новостных СМИ, в которых большинство людей черпают информацию о науке. В Австралии развитие климатического скептицизма связано с деятельностью Института по связям с общественностью (*Institute of Public Affairs, IPA*, далее ИСО) — независимого аналитического центра, расположенного в Мельбурне. Когда-то он представлял собой незаметный консервативный аналитический центр, который привлёк финансирование для поддержки политически консервативной Либеральной партии (*Liberal Party*). В конце 1970-х ИСО стал объектом рейдерского захвата, осуществлённого директором горнодобывающей компании и энтузиастом неолиберализма Хью Морганом. После поглощения ИСО был вновь за-

пущен как новоиспечённый радикальный неолиберальный аналитический центр, который вёл публичную борьбу в новостных СМИ с целью достигнуть политического курса выгодного для его инвесторов. С конца 1980-х гг. ИСО становится самым серьёзным противником климатологии, смягчения последствий изменения климата и возобновляемой энергетики в Австралии.

> Интервенция американских центров в научное поле

ИСО также является частью транснациональной неолиберальной сети, которая включает множество американских аналитических центров. В 1998 году правая рука Моргана, Рэй Эванс, принимал участие во встрече Американского института нефти (*American Petroleum Institute*) и Коалиции по вопросам общемирового климата (*Global Climate Coalition, GCC*) для оказания помощи в подготовке Плана действий по распространению научной информации по вопросу глобального изменения климата (*Global Climate Science Communications Action Plan*). Стратегия включала экспертизу связей с общественностью; привлечение к медиапропаганде учёных, не согласных с научным консенсусом по вопросу об изменении климата; выпуск пресс-релизов, комментариев, а также писем редакторам с тем, чтобы поставить под сомнение климатические изменения и противостоять формированию политики по сокращению выбросов парниковых газов.

В следующем году ИСО включил в Совет директоров высокопоставленного представителя Коалиции по вопросам мирового климата из компании по связям с общественностью Берсон-Марстеллер (*Burson-Marsteller*). Вскоре после этого, ИСО объявил о вакансии на позицию нового исполнительно-

Портланд, США, 2017:
марш в защиту науки.

го директора, который мог бы поднять престиж института как ключевого участника национальной дискуссии с тем, чтобы повлиять на результаты проводимой политики. Предполагалось, что кандидат будет лично вовлечён в дебаты СМИ и увеличит инвестиции в работу института путём выявления потенциальных спонсоров, которые могут извлечь выгоду из этой деятельности. Успешный кандидат мог рассчитывать на зарплату 140 000 долларов и 50 процентов сверхприбыли, если ключевые показатели его работы со СМИ и фандрайзингу удовлетворят заявленным требованиям.

Джон Роскам, назначенный исполнительным директором ИСО в 2004 году, до этого работал на должности директора по корпоративным коммуникациям в горнодобывающем гиганте Рио Тинто (*Rio Tinto*), а также являлся сотрудником и руководителем избирательного штаба Либеральной партии. Роскам обеспечил повышение популярности ИСО, намного упростив его доступ к австралийским СМИ. Кроме того, он успешно зарегистрировал ИСО как не связанный с политическими партиями, некоммерческий исследовательский институт, чьи тайные спонсоры могли выдавать свои инвестиции за налоговые отчисления.

Кроме того, Роскам учредил прикрывающие группы, включая Австралийскую Коалицию по вопросам климатологии (*Australian Climate Science Coalition*, ACSC, далее АКВК), которая получала финансирование через Институт Хартленда в США. Миссия АКВК состояла в том, чтобы поставить под сомнение глобальный научный консенсус об изменении климата и предотвратить формирование австралийской политики по сокращению выбросов парниковых газов и смягчению последствий климатических изменений.

> Медиавойна по вопросам климатологии

При ближайшем рассмотрении «научные консультанты» АКВК не предоставили убедительных аргументов против научного консенсуса по вопросам изменения климата. Напротив, как постоянные сотрудники АКВК и регулярные участники *IPA Review*, они продолжили опираться в основном на идеологическую риторику, которая интерпретировала климатические изменения как заговор левых сил. Те же самые аргументы воспроизводились ИСО в адрес широкой общественности через членов правого крыла прессы, которые стали воспринимать ИСО и его прикрывающие группы как интеллектуальные и идеологические ролевые модели. Таким образом, пропагандистский арсенал Института ограничился журналистами правого толка и редакторами, воспроизводя-

щими сюжеты, которые демонизировали климатологов и левые политические силы.

Это хорошо видно на примере периода подготовки к первым парламентским дебатам по разработке системы торговли квотами на выбросы (*emissions trading scheme*, ETS, далее СТВ) в Австралии в 2009 г. Один из научных консультантов АКВК, горный инженер-геолог и директор горнодобывающей компании Ян Плимер, опубликовал в издательстве ИСО книгу, в которой утверждал, что антропогенное изменение климата невозможно. Он доказывал, что аргументы за изменение климата — это заговор, организованный учёными и левыми политическими силами, и высмеивал сторонников политики смягчения последствий климатических изменений.

Публикация книги Плимера повторила приём, используемый американскими аналитическими центрами, которые издавали «скептические», с точки зрения защиты окружающей среды, книги в преддверие важных политических дебатов. Так же, как в США, Плимер совершил пресс-тур, написав 219 статей для австралийских газет. Примечательно, что его связи с ИСО никогда не упоминались.

В то время как книгу Плимера приветствовали правые журналисты и редакторы, считая ее неоспоримым контраргументом против академического консенсуса по изменению климата, научная общественность заклеила фоллиант как «бульварное чтиво». Одновременно с этим, выступления Плимера в прессе огульно очерняли климатологов и всех, кто поддерживал политику смягчения климатических изменений. В одном из интервью прессе, он сказал, что «благодаря некоторым ярким защитникам окружающей среды, вызванное деятельностью человека глобальное потепление превратилось в своего рода религию, (...) поэтому я провожу аналогию между тем, как действуют креационисты и тем, как действуют некоторые инвайронменталисты и сторонники глобального потепления».

Несмотря на то, что Плимер обнаружил явную нехватку экспертизы по климатологии и не смог бросить действительно значимый вызов научному консенсусу по климатическим изменениям, он, тем не менее, заронил сомнение в сердца избирателей. Вслед за выходом в свет его книги, доверие общества науке о климате снизилось, СТВ потерпела поражение, правые политические силы восприняли Плимера как современного Галилея. ■

Адрес для связи: Элейн МакКьюон <elaine.mckewon@gmail.com>

> Бразильская сеть неолиберальных аналитических центров

Эрнан Рамирес, Бразильский иезуитский университет (Unisinos), научный сотрудник
Национального Совета научного и технического развития (CNPq), Бразилия

«Манифесточе»: карнавальная кукла изображает школу самбы Paraíso do Tuiuti, которой управляет буржуазия города Сан-Паулу. Бразильский карнавал 2018 г.

После протестов 2013 года Бразилия переживает период политических потрясений и резких идеологических изменений, способствующих повороту от нео-девелопменталистского политического курса к новой неолиберальной повестке дня, которая начала формироваться во время второго срока пребывания у власти президента Дилмы Русеф. Этот поворот не был спонтанным: он стал результатом деятельности большого количества акторов и движущих сил. Некоторые из них уже присутствовали на сцене политической борьбы, в то время

как другие появились и консолидировались как часть конъюнктуры. По этой причине мы начнем наше обсуждение с анализа текущего момента и при этом будем принимать во внимание предшествующие обстоятельства.

Одним из сопутствующих упомянутым событиям явлений был, несомненно, взрыв социальных движений, состоящих преимущественно из молодых людей, вооружённых риторикой правого неолиберального дискурса. Прежде всего, это относится к таким движениям, как *Movimento Brasil Livre* (Свободное бразильское движение), *Estudantes Pela Liberdade* (Студенты за свободу), *Vem Pra Rua* (Выходи на улицы). Хотя мы до сих пор очень мало знаем об этих движениях, существуют свидетельства, подтверждающие их связь с инициативами и аналитическими центрами, поддерживающими мощный неолиберальный идеологический поворот. Эти социальные движения распространяли свои идеи главным образом через социальные сети, используя различные взаимосвязанные каналы, ведущие к другим неолиберальным центрам.

За очень короткий период времени движения мобилизовали большое количество участников и разъяснили им элементарные основы правого неолиберального дискурса. Протестующие наводнили социальные сети и средства массовой информации, а затем вышли на городские улицы и площади. Массовые протесты, в свою очередь, создали благоприятные условия, позволившие институциональным акторам свергнуть недавно переизбранного президента.

В отличие от органически структурированных организаций, обладающих ядром, которое порождает идеологию и управляет действиями, социальные движения образовали сеть, работающую в более свободном режиме симбиоза и триангуляции ресурсов. Эта сеть примечательна ещё и потому, что Бразилия — страна с ограниченным числом представительных организаций общенационального масштаба. В особенности это касается буржуазии, которая стремится действовать исходя из логики региональных расколов и политических партий, представляющих их интересы. Последние

>>

в основном находятся в зависимости от местной политической элиты и испытывают недостаток целостных программных предложений.

> Краткий исторический экскурс

Небольшое историческое вступление поможет нам понять устройство современных сетей неолиберальных аналитических центров. Проникновение неолиберальных идей в общественную дискуссию начинается в середине 1950-х гг. К концу десятилетия они закрепились на институциональном уровне во многом благодаря первому поколению независимых аналитических центров. Весьма заметны в этом отношении Бразильский институт демократических действий (*Instituto Brasileiro de Ação Democrática, IBAD*) и Институт научных и социальных исследований (*Instituto de Pesquisas e Estudos Sociais, IPES*). Оба учреждения внесли свой вклад в формирование государственной политики оппонентов лейбористского президента Жуана Гуларта. Эти достижения позже были использованы во время первой фазы диктатуры, но начали терять силу к концу 1960-х гг.

Отмеченная выше дискретность — ещё одна черта типичная для институционального развития неолиберализма в Бразилии. Одним из проявлений этого тренда являются региональные расколы между неолиберальными акторами. Другое проявление — разделение функций между институтами. Обрисованные выше неолиберальные аналитические центры и инициативы больше ориентированы на пропагандистские функции, чем на разработку политических программ. Эту вторую функцию призваны выполнять ведущие частные учебные заведения страны, такие, как Фонд Жетулиу Варгаса (*Fundação Getúlio Vargas*) и Папский католический университет Рио-де-Жанейро (*Pontifícia Universidade Católica de Rio de Janeiro, PUC-Rio*; далее ПКУ-Рио). В то же время никакие существенные ресурсы не инвестируются в подготовку персонала этих учреждений. Сотрудники являются в основном являются выходцами из предпринимательского класса, и эта общность социального происхождения создает возможности свободного перемещения между этими двумя сферами занятости.

Вторая волна создания неолиберальных аналитических центров приходится на период перехода к демократии в 1980-е гг., когда появились так называемые «Либеральные институты» (*Institutos Liberais*). Они были учреждены согласно рекомендациям Энтони Фишера, основателя и вдохновителя Института экономики (*Institute of Economic Affairs*) и сети «Атлас» (*Atlas Network*), и работали аналогичным образом в Рио-де-Жанейро, Сан-Паулу и других столицах. Штаб-квартира «либеральных институтов» в Порту-Алегри получила название «Институт свободы» (*Instituto Liberdade*) и имеет самостоятельную структуру управления.

Исторический контекст помогает понять, почему деятели, которые формировали экономическую политику администрации Фернанду Энрике Кардозу в золотое время бразильского неолиберализма, являются выпускниками ПКУ-Рио. Позже они стали успешными банкирами, владельцами инвестиционных фондов и партийными консультантами. Те, кто не был связан с правительственными кругами, нашли убежище в *Casa das Garças* (он же Институт исследований экономической политики, *Instituto de Estudos de Política Econômica*), возможно, самом значимом неолиберальном аналитическом центре, имеющем свою собственную идеологию. Многие из этих людей также являются сотрудниками Института тысячелетия (*Instituto Millenium*), основанного философом из Порту-Алегри и экономистом из ПКУ-Рио. Эти учреждения также связаны с крупными медиакорпорациями, которые в свою очередь претендуют на то, чтобы быть пропагандистскими аналитическими центрами. «Форум свободы» (*Fórum da Liberdade*) стал самым важным конклавом группы. Он функционирует как головная организация, которая собирает своих участников один раз в год в Порту-Алегри. Одной из типичных черт бразильских аналитических центров, следует отметить, является перетекание кадров между организациями.

> Есть ли свет в конце туннеля?

Распространение аналитических центров представляет собой тревожный сценарий расширения сети, дискурса и сферы деятельности. Неолиберальная повестка стала главенствующей в экономической политике Дилмы Русеф. Тем не менее, такое развитие не предотвратило её смещение с поста президента и последующий импичмент. В результате президентский пост занял Мишел Темер, и вместе с ним пришла экономическая команда, совершившая поворот в политике, которую Бразилия проводила до 2013 года.

Однако сейчас создается впечатление, что неолиберальные тенденции постепенно себя исчерпывают. Обвинения в адрес режима, которые были использованы для легитимации смены курса, не выходят за пределы своего рода здравого смысла, гласящего что международные тенденции уже захватили Бразилию. Подобные аргументы не являются достаточными и для достижения консенсуса за пределами вполне определённых политических кругов. Кроме того, государственная политика, которая ведётся в разгаре третьей неолиберальной волны, также демонстрирует признаки неудачи. Это находит выражение в слабом интересе избирателей к тем кандидатам, которые поддерживают эту политику. Такое положение дел контрастирует с устойчивой популярностью предшествующего президента Луиса Инасиу Лулы да Силвы, который решительно противостоял неистовому натиску неолиберальных идей. ■

Адрес для связи: Эрнан Рамирес <hramirez1967@yahoo.com>

> Консультативные аналитические центры: инструмент маркетинга или гегемонии?

Маттиас Киппинг, Йоркский университет, Канада

Всеобщее соединение и всеобщая колонизация. Так ли это?

18

Анализируя дискуссии в деловой прессе о таких последних тенденциях, как большие данные, искусственный интеллект, индустрии будущего, редко можно встретить статьи об аналитических центрах ведущих мировых консалтинговых компаний. Пожалуй, чаще всего упоминается Глобальный институт Маккинси (*McKinsey Global Institute, MGI*; далее ГИМ), но также можно встретить ссылки и на такие учреждения, как Институт высокой эффективности «Аксенчер» (*Accenture Institute for High Performance*), Институт прибылей в бизнесе (*IBM Institute for Business Value*) или Институт Хендерсона Бостонской консалтинговой группы (*Boston Consulting Group's Henderson Institute*). Большинство публикаций этих организаций посвящено вопросам бизнеса, но некоторые посвящены макроэкономическим изменениям и затрагивают более широкие вопросы, такие как будущее глобализации или гендерное равенство. Влияние этих институтов и их идеологий подтверждается одним из самых широко исполь-

зуемых рейтингов экспертно-аналитических центров. В рейтинге лучших 25 «Коммерческих аналитических центров» 14 относятся к консалтинговым компаниям, среди которых первое место занимает ГИМ. Однако называть такие центры «коммерческими» совсем неверно, поскольку, в отличие от остальных консалтинговых услуг, их идеи доступны бесплатно. Тогда возникает вопрос, почему консалтинговые компании учредили аналитические центры.

> Интеллектуальное лидерство или нагнетание страха?

В 1990 г. ГИМ стал пионером среди аналитических центров консалтинговых компаний, за которым вскоре последовали остальные. Простое объяснение необходимости создания этих институтов, состоит в том, что они служат маркетинговыми инструментами на высоко конкурентном рынке консультативных услуг по вопросам

>>

управления. Управленцы покупают консалтинговые услуги, основанные на «компетентном знании» — или, по крайней мере, так они обосновывают своё обращение за помощью в консалтинговые компании другим заинтересованным сторонам. С этой точки зрения, консалтинговые фирмы учреждают аналитические центры для того, чтобы продемонстрировать своё «интеллектуальное лидерство». И, в самом деле, часто именно так они описывают свои цели. Не ссылаясь непосредственно на аналитические центры, некоторые учёные, исследующие консалтинг, отмечают существование более корыстного мотива, стоящего за заявленным интеллектуальным лидерством. Они предполагают, что последовательность идей в области управления, продвигаемая консультантами, — или «модные тренды», как их называют, подчёркивая эфемерный характер, — служат для того, чтобы породить среди управленцев страх перед неопределённым, или даже угрожающим будущим. Таким образом они побуждают руководителей бизнеса нанимать консультантов как своего рода гидов, или даже «защитный панцирь», укрывающий от опасностей. Читая отчёты аналитических центров, действительно задумываешься о том, как справиться со сложными, и даже угрожающими изменениями, которые они предсказывают. На этот вопрос сами отчёты центров дают в лучшем случае достаточно заурядные ответы. Следовательно, как подсказывает логика, так они подталкивают управленцев обратиться за помощью в консалтинговую компанию, которую представляет аналитический центр, предупредивший их об опасных тенденциях.

> Копирование или вытеснение академии?

Ещё одна причина создания аналитических центров при консалтинговых компаниях заключается в том, что их отчёты помогают консультантам открывать новые рынки сбыта консультативных услуг, будь это иные функциональные области, другие сектора или страны с формирующимися рыночными экономиками. Экспертные центры ориентированы на информирование потенциальных клиентов об актуальной компетенции консалтинговых компаний. Они предлагают «глубокий анализ» самой разнообразной тематики для того, чтобы сформировать интерес у клиентов и, в конечном счёте, обеспечить легитимность предлагаемых им решений. Анализ их деятельности позволяет обнаружить вторую, более глубокую мотивацию аналитических центров. Эта мотивация относится к их позиции среди таких «авторитетов в сфере менеджмента» (как иногда их называют), как консалтинговые компании, школы бизнеса и управленческие медиа. Неудивительно, что большинство таких учреждений используют для самоописания академический язык и называют консультантов, составляющих отчёты, «исследователями» или «научными сотрудниками» и даже нанимают в качестве консультантов известных учёных, в том числе лауреатов Нобелевской премии. Вместе с тем, аналитические центры занимаются также распространением результатов своей работы в популярных управленческих медиа, делая это либо бесплатно, когда статья отражает их идеи, либо в платных секциях.

«Делойт» (*Deloitte*) идёт, возможно, даже дальше в этом отношении, учреждая собственное издательство — *Deloitte University Press*. Такое решение можно рассматривать просто как умный маркетинг, ориентированный на фор-

мирование доказательной основы для высказываний консультантов. Но такие действия могут также указывать на попытку занять большее пространство внутри «производства знаний по менеджменту». Ученые, изучающие менеджмент, сами могли бы создавать такие возможности, продвигаясь в сторону исследовательской парадигмы естествознания и следуя, как бы ненароком, показателям эффективности, введенным в сферу государственных услуг всё теми же консультантами. Несмотря на торжественные заявления об актуальности, большинство сегодняшних академических исследований в области менеджмента в целом невразумительны и часто неинтересны для практикующих управленцев, которые поэтому с удовольствием обращаются к услугам аналитических центров. Вопрос состоит в том, как долго консультантам потребуется поддерживать свою легитимность с помощью научной атрибутики. Многие профессора бизнес-школ уже сейчас пытаются укрепить свой авторитет среди практикующих специалистов и студентов, ссылаясь на свой послужной список в области консалтинга.

> Состоится ли полная колонизация?

Гипотеза о стремлении консультативных фирм к расширению полномочий в сфере определения лучших образцов управленческих практик приводит нас к более широкому представлению об их деятельности и к, своего рода, теории заговора. Можно ли помыслить создание этих аналитических центров как часть обширной программы доминирования не только в сфере бизнеса, но и в экономике, обществе и даже в глобальной политике? Это предположение не выглядит странным, если рассмотреть масштаб деятельности многих из экспертно-аналитических центров, которые сегодня консультируют не только маленькие компании, но и многие другие организации, включая католическую церковь и правительства самых разных стран. Эта гипотеза становится ещё более убедительной, если посмотреть на жизненные траектории большого числа выпускников аналитических центров, многие из которых сегодня занимают лидирующие позиции в бизнесе и других сферах, включая научное сообщество — проверьте, например, бэкграунд своего декана. Стоит посмотреть и на аудиторию, для которой предназначаются инсайты, разрабатываемые аналитическими центрами, а также общее видение будущего, которое они предлагают.

Все это не должно пугать читателей. Эффекты зависят от характера идей, которые разрабатываются и распространяются экспертно-аналитическими центрами. Эти организации и консалтинговые компании, которые их создали, могут действовать и как сила на «благо» — большее благо, чем просто наполнение карманов своих сотрудников и акционеров. И действительно, есть свидетельства того, что некоторые институты занимаются именно такой деятельностью, например, распространяют идеи гендерного равенства или представления о необходимости учитывать долгосрочную перспективу капитализма. Тем не менее, история индустрии управленческого консалтинга и влияние, которое она имела до настоящего времени, дают основания для того, чтобы задуматься и даже проявить озабоченность в связи с существующими тенденциями. ■

Адрес для связи: Маттиас Киппинг <mkippling@schulich.yorku.ca>

> Практики заботы, пересекающие границы: трансформация заботы и ухода

Хейди Готтфрид, Университет г. Уэйн, США, президент ИК 02 («Экономика и общество»), член ИК 44 («Рабочее движение») и ИК 32 («Женщины в обществе»), Дженнифер Джихай Чун, Университет Торонто, Канада, член ИК 02 и ИК 04

Исследования заботы находятся в центре дебатов о перспективах социально-политических и экономических трансформаций в современном мире. Беспрецедентное число женщин в поисках работы влилось в потоки людей, пересекающие государственные границы. Они воспроизводят новые и давно сложившиеся паттерны классового, гендерного, расового и национального неравенства. «Кризис заботы» заставляет задуматься о затратах и последствиях глубоко несправедливой неолиберальной экономики, которая порождает глубоко укорененное неравенство. Необходимо исследовать последствия неолиберализма, в том числе и для женщин, которые несут на своих плечах ответственность за заботу о других, особенно для тех из них, кто принадлежит к бедным слоям населения, принадле-

жит к категории трудовых мигрантов и маркирован как расово отличный сегмент населения. Кризис заботы указывает на то, что забота о детях, пожилых и домохозяйствах, как правило, низко оплачивается и часто относится к теневой сфере занятости, а идеологии заботы маскируют и часто недооценивают такие виды труда, как уборка, приготовление домашней пищи, интимные услуги, сексуальное и биологическое воспроизводство. Опираясь на методологию интерсекционального феминистского подхода и принципы глобального политэкономического анализа, мы изучаем труд заботы, который часто остается невидимым и выявляем его значимость для поддержания повседневной жизни.

Рыночные интервенции и транснациональные цепочки заботы меняют социальные отношения и паттерны

принадлежности, затрагивая все периоды жизни – с момента зачатия до самой смерти. Точка зрения здравого смысла заключается в том, что забота должна предоставляться людям добровольно как труд любви и вознаграждение за нее должно обеспечиваться на основе потребительской ценности, а не компенсироваться «профанными» денежными средствами или обеспечиваться на основе абстрактных гражданских прав. Можно утверждать, что в неолиберальную эру все формы заботы и интимного труда оцениваются недостаточно. При этом исследования показывают, что до сих пор не получает никакого социального, политического и правового признания труд суррогатного материнства. Суррогатное материнство не укладывается в рамку контрактных трудовых отношений благодаря тому, что эта практика размывает границы между товарным обменом и обменом дарами. Будущие родители могут утешаться представлениями об альтруистических чувствах и отношениях, подчиненных логике дара, которые связывают их с суррогатными матерями. Они стараются не замечать в существующих практиках

>>

суррогатности безличностных отношений эксплуатации и возрастающей коммодификации интимности и репродуктивного труда.

При капитализме ценность заботы как социальной потребности, имманентно присущей повседневной жизни, определяется различными акторами и институтами. Исключение тех, кто занят в сфере оплачиваемой заботы из системы существующей правовой защиты (временные мигранты, добровольные суррогатные матери, неоплачиваемый труд заботы) приводит к дальнейшей девальвации заботы, которая воспринимается как труд любви и предназначение. Государство изменило приоритеты своей политики, ретировалось и все в меньшей степени берет на себя обязательства (и риски) заботы. Неолиберальное государство запускает реформы, способствующие маркизации заботы и интимного труда. Так, например, в Сингапуре государство создает в высшей степени маркизированные и приватизированные опции для удовлетворения потребностей в заботе, запуская программу найма иностранных домашних работников. Такие программы способствуют удовлетворению потребностей в заботе у семей среднего и высшего класса и оставляют без помощи представителей более бедных трудящихся классов. Двойственный процесс маркизации и приватизации заботы ассоциируется с ненадежными низко оплачиваемыми позициями работников сферы заботы и ухода.

Любовь и забота передаются по глобальным цепочкам и при этом подвергаются трансформации. Образ глобальных цепочек заботы позволяет расширить горизонт визуализации пространственных отношений власти. Оставшиеся на родине члены семьи договариваются о том, как в новых условиях обеспечивать потребности в материальном труде и эмоциональной поддержке домохозяйства и детей. Данные исследований постсоциалистических стран Восточной Европы показывают что труд «материнской любви» не в полной мере выполняется одинокими отцами, которые конструируют защитные формы маскулинности, которые ограждают их от насмешек и исключения. Взаимодействия трудовых мигран-

тов, которые преодолевают большие расстояния чтобы обеспечивать заботой своих нанимателей, включают множество посредников – от частных трудовых брокеров до двусторонних соглашений между государствами. В Японии развитие государственных программ заботы, адресованных быстро стареющему населению, порождают неожиданный эффект. Появляются профессионально подготовленные трудовые мигранты, которые вовлекаются в работу наведения «культурных мостов» между их этнической инаковостью и адресатами заботы. Глобализованные цепочки заботы соединяют семьи, проживающие в разных регионах мировой экономической системы. Они отражают реорганизацию отношений власти в публичной и приватной сферах, а также структурные изменения отношений между семьей, гражданским обществом, государством и экономическими институтами.

Тотальный характер описанных выше практик глобализированной заботы вызывает в воображении мысль о могущественной системе интерсекционального угнетения и подвергается критике. В некоторых случаях мы становимся очевидцами того, как профсоюзы и организации гражданского общества отвечают на новые политические и организационные вызовы. В других случаях мы видим, как создаются неожиданные, но очень значимые альянсы и солидарные союзы в поддержку справедливых условий труда оплачиваемых работников, осуществляющих заботу. Хотя за закрытыми дверями частных домохозяйств или в коридорах власти домашние работники все чаще активно обсуждают свои условия труда и борются против неравенства и субординации, они по-прежнему часто воспроизводят гендерное и расово-этническое разделение труда. При этом в других случаях они создают солидарные идентичности и субъективности.

Интерполяция нового политического субъекта, растущая и расширяющаяся по всему миру коммодификация заботы приводит к формированию новых форм коллективных действующих сил. На глобальном уровне, в результате длительной мобилизации организации домашних работников

и их союзники добились успеха и вынудили МОТ принять первые международные стандарты для домашних работников в 2011 году (Конвенция №189). После длительного исторического периода домашнего рабства, колониального порабощения и господства отношений господина и слуги, эта конвенция обеспечивает домашних работников общим вокабуляром и глобальной платформой борьбы за трудовые права. Международные документы создают возможности создания национальных механизмов и использования международного права для улучшения условий труда и распространения понятия «достойного труда» на сферу домашней работы.

Историческое наследие и национальные политические контексты формируют способы борьбы, доступные общественным движениям. Первые организации домашних работников появились на рубеже XX века, в период мощных социально-экономических потрясений. Современные движения в США и Мексике вырабатывают инновативные стратегии, получая поддержку за счет мобилизации множественных пересекающихся идентичностей, к которым принадлежат члены и сторонники движения. В Индии мобилизующий фрейм прав человека создает международную солидарность движений, которые адресуют свои требования национальному правительству. При этом солидарность регионального уровня мобилизуется в Индии гораздо в меньшей степени. В Эквадоре наблюдается иная картина: мобилизующий фрейм равенства трудовых прав апеллирует к региональной солидарности в большей степени, чем к глобальной. Используя преимущества новой системы политических возможностей, изменения транснациональной политической экономии заботы не только оказывают влияние на социальных акторов, вовлеченных в регулировании заботы, но приводят к трансформации политических горизонтов организации и коллективного действия. ■

Адреса для связи:

Хейди Готфрид <ag0921@wayne.edu>

Дженнифер Джихай Чун <jj.chun@utoronto.ca>

> Существует ли глобальный кризис заботы?

Фиона Уильямс, Лидский университет, Оксфордский университет, Великобритания, член ИК 19 по исследованиям бедности социального благосостояния и социальной политики

В среднем каждый пятый домашний работник является транснациональным мигрантом.

© Международная организация труда

Рост миграции является признаком того, что забота стала глобальным и транснациональным явлением, которое определяется действиями разных механизмов и акторов. Дело в том, что половина мировых мигрантов (из общего числа 223 млн человек, согласно статистике) – это женщины. Многие женщины, мигрирующие из более бедных или неблагополучных стран, находят работу в сфере оплачиваемой заботы как уборщицы, домашние работницы, няни, присматривающие за детьми, пожилыми людьми и домохозяйствами в более богатых странах. Трудовые мигранты перемещаются из стран глобального Юга на глобальный Север, а также внутри этих территорий в поисках заработка. Параллельно с этими глобальными цепочками заботы происходит рост транснационального рекрутирования работников, который организуют государства и частные агентства, нанимая сиделок, младший медицинский персонал и врачей из стран с низким и средним душевым доходом на работу в дома сестринского ухода и больницы для

предоставления медицинских услуг в более богатых странах. В результате этих процессов забота трудовых мигрантов об их пожилых родителях и детях географически растягивается, их разделяют огромные расстояния, иногда континентального масштаба. В то же время частные поставщики заботы действуют на транснациональном уровне, и таким образом индустрия заботы становится глобальной. Нельзя забывать также о том, что финансовые организации также вовлекаются в процесс глобализации заботы, т.к. они пересылают деньги, заработанные трудовыми мигрантами, в отправляющую страну. Для стран со средне-низким душевым доходом, таких, как например, Филиппины, медицинские сестры и помощницы по уходу составляют основной экспорт государства и крупнейший источник иностранной валюты, поступающей на местный рынок.

Такая транснациональная политическая экономия заботы ведет к накапливаемым изменениям, приводит к кризисам, которые оказывают влияние на социально-экономическое

и геополитическое неравенство. Главное макроизменение связано с глобальным ростом вовлеченности женщин в рынок труда. В развитых странах этот тренд знаменует собой сдвиг от модели мужчины-кормильца семьи к иному семейному устройству, где все взрослые мужчины и женщины заняты в сфере оплачиваемого труда и вносят свой вклад в семейный бюджет. В более бедных регионах, разрушение местной экономики, безработица и бедность принуждают женщин к принятию на себя роли кормильца семьи в большей степени, чем в экономически преуспевающих странах.

> Динамика изменяющихся потребностей в заботе

В развитых социальных государствах забота становится центральной социально-политической и налоговой проблемой, поскольку старение населения и спад рождаемости привело к росту доли тех, кто нуждается в поддержке. Однако эти индикаторы кризиса заботы наименее выражены в развивающихся странах. В ряде

стран и регионов кризис заботы достигает максимального накала и принимает экстремальные формы. Так, например, в Африке в связи с пандемией ВИЧ-СПИД, распространением хронических заболеваний, возрастанием доли граждан детского возраста, природными катастрофами – чрезвычайно возрастает нагрузка на женщин, от которых ожидается исполнение двойной роли – заботы и заработка – при фактическом отсутствии инфраструктурной поддержки. Женская миграция с последующей занятостью в сфере заботы и ухода становится способом заработка, несмотря на то, что такая стратегия интенсифицирует обязательства заботы, которые берут на себя оставшиеся в отправляющей стороне члены семьи-сообщества.

В то же время развитые страны сокращают социальные расходы и находятся в поисках эффективных путей удовлетворения растущих потребностей в заботе. Частный рынок становится основной сферой удовлетворения потребности в заботе даже в тех социальных государствах, где государство инвестирует существенные суммы в социальные фонды (напр. Швеция). Такая стратегия предполагает, что государство или местные власти заключают контракты с частным сектором и предоставляют семьям, людям с ограниченными возможностями и пожилым гражданам налоговые кредиты, ваучеры или пособия, помогающие последним нанять помощника по заботе на рынке труда. В тех странах, где ослаблено регулирование подобных схем – в особенности при найме помощников в частных домохозяйствах – нехватку заботы восполняют те, у кого меньше переговорной силы, а именно местные женщины, принадлежащие к рабочему классу, приезжие из сельской местности (как в Китае) и все в большей степени – женщины, транснациональные мигранты. Довольно часто их уровень квалификации превышает требования, предъявляемые на их нынешней работе. В Европейском Союзе в сегменте оплачиваемой заботы среди трудовых мигрантов в два раза больше людей с избыточной квалификацией, чем среди местных жителей. Обладая меньшими правами, связанными с социальной защитой и проживанием, они в большей степени готовы работать в прекар-

ных условиях, получать меньшее вознаграждение за свой труд и работать в домохозяйствах на условиях проживания.

Однако этот относительно новый феномен мигрантского лица заботы накладывается на исторически сложившиеся паттерны неравенства. Труд заботы по-прежнему недооценивается и считается «неквалифицированной» женской работой; сохраняется расиализованное порабощение, при котором рабочие места в сфере заботы, как в частном, так и в государственном секторе экономики традиционно заполняются женщинами, принадлежащими к этническим меньшинствам. Хотя многие женщины могут решить проблемы баланса семьи и занятости, осуществляя аутсорсинг домашней работы и ухода женщинам из бедных слоев или из бедных стран, такая стратегия не меняет существующее гендерное разделение труда в домашнем хозяйстве.

> Связь кризиса заботы с другими глобальными кризисами

Транснациональный характер труда заботы неразрывно связан с другими глобальными кризисами. Во-первых, вследствие глобального финансового кризиса и следующих за ним мер экономии, государства интенсифицировали поиск экономически эффективных механизмов обеспечения заботы. В Испании, например, где две трети работников сферы заботы являются мигрантами, давление экономического кризиса на семьи привело к снижению часов занятости и оплаты труда надомных работников. Суммы, отправляемые трудовыми мигрантами домой, снизились в два раза. Во-вторых, зависимость богатых стран от трудовых мигрантов сопровождается ростом антимигрантской ксенофобии. Политические дебаты о кризисе беженцев формируют изменения миграционной политики, которая непосредственно влияет на положение трудовых мигрантов, занятых в сфере заботы. Новая политика вводит ограничения не только в отношении «неквалифицированных» приезжих работников (к коим причисляют тех, кто занят в сфере заботы и ухода), но также препятствует допуску мигрантов к бенефитам со-

циального обеспечения. В политических дискуссиях зачастую интересы государственного суверенитета и стремление снизить экономические издержки превалируют над идеологией прав человека и принципами гуманитаризма. В самом деле, как говорил Поланьи, все эти кризисы – финансовый, мигрантский и кризис заботы – превращают своих субъектов в фиктивные потребительские товары и угрожают безопасности, солидарности и устойчивому развитию.

Что же делать? Транснациональные низовые политические движения домашних работников привели в 2011 году к принятию Конвенции МОТ о правах домашних работников. Еще одна глобальная стратегия включает действия ВОЗ (2010 г.) по продвижению этического кодекса для стран, которые рекрутируют медицинских работников-мигрантов. Эти достижения действительно являются крайне важными, но проблема труда мигрантов в сегменте заботы таким образом не решается. Потоки заботы и миграции – и то, и другое – поднимают вопросы прав человека и глобального устойчивого развития. В современных условиях очень важно сохранить права на свободу передвижения, гражданские права и открытость в отношении тех, кто бежит от насилия. Забота требует признания фундаментального права человека на получение заботы и предоставление ее. Преобладающая логика политиков стоит вокруг принципа продуктивизма, поддержания рынков, вовлечения женщин в рынок труда, согласно которой забота будет организована как оплачиваемый труд. Долгосрочная перспектива требует поставить заботу в центр стратегии построения социально справедливого мира, признание заботы как коллективного социального блага. Подобно тому, как труд мигрантов является ключевым для национальной и глобальной экономики, забота должна получить признание как основа социального благополучия, взаимозависимости и устойчивости человеческого существования. ■

Адрес для связи:
Фиона Уильямс <F.F.Williams@leeds.ac.uk>

> 0 стандартах МОТ

в отношении условий достойного труда домашних работников

Адель Блэккетт, Университет Макгилла, Канада

Оргкомитет Конференции МОТ, посвященной Конвенции № 189, 2011.

В конце марта 2008 года мне внезапно позвонили из Международной организации труда (МОТ) — структуры ООН, занимающейся вопросами трудовых отношений. Ко всеобщему удивлению руководство МОТ в это время приняло новую резолюцию, требующую разработки и обсуждения нового международного договора об условиях достойного труда домашних работников. Мне предложили стать главным экспертом МОТ по этому вопросу, и это было частью процесса публичного выявления проблем оплачиваемого домашнего труда.

> «Невидимый» характер домашней работы

Домашние работники, как и другие люди, заботящиеся о других, привыкли к тому, что они остаются невидимыми и к их голосам редко прислушиваются. Исторические источники напоминают нам о практиках домашнего рабства и о колониальной прислуге, об устойчивых пережитках этих явлений, обнаруживаемых в «обыкновенных» отношениях неравенства между господом и слугой. Множество глубоких

по содержанию социологических исследований, посвященных домашней работе в постколониальных и постпартеидных странах, выявляют такие ее характеристики, как «невидимость» даже в тех случаях, когда выполняется тяжелая и грязная работа в сфере социального воспроизводства. Политэкономическая литература показывает, что домашние работники, часто имеющие высокий уровень образования и семейные обязательства, уезжают из дома, покидают свои семьи, и продают труд заботы за рубежом. Исследования показывают, что диапазон этой транснационально растянутой, традиционно феминизированной работы, суть которой заключается в заботе о других, остается экономически и социально недооцененной.

По подсчетам МОТ, в сфере домашнего труда занято, по крайней мере, 67 млн мужчин и женщин; одна из двадцати пяти женщин в мире является домашней работницей. Вклад ДР в мировую экономику недооценивается, несмотря на рост потребностей в приватизированной заботе. Ряд исследователей обращает внимание на такой феномен, как глобальные цепочки заботы. Рачел Парренас, напротив, обращает внимание на феномен извлечения ресурсов заботы, когда страны Глобального Юга, отсылая мигрантов в страны

Глобального Севера, обеспечивают последние дешевыми и зачастую хорошо образованными работниками, и это позволяет им выстраивать свои рынки на плечах мигрантов. Трансграничные перемещения домашних работников — это их трудовая стратегия, основанная на отсылке заработков в отсылающую страну. Такая стратегия выстраивается в условиях неолиберального подхода к экономическому развитию, который находит свое отражение в современных миграционных процессах.

Домашние работники в течение многих лет требовали признания своего вклада в экономику и социальное воспроизводство, добиваясь установления международных стандартов условий своего труда. Региональные организации домашних работников существуют в течение десятилетий. В настоящее время создана транснациональная сеть этих организаций в рамках Международной федерации профсоюзов. Основная повестка дня этих организаций — защита своих прав в международном масштабе. Международная организация труда была основана почти сто лет назад, в 1919 году как структура, представляющая интересы участников трехстороннего трудового контракта — наемных работников, нанимателей и государства. Первые слова Конституции МОТ гласят: «Всеобщий и продол-

Оргкомитет Конференции МОТ, посвященной Конвенции № 189, 2011.

жающийся мир может быть установлен лишь на основе социальной справедливости». В 1944 г. в Декларации МОТ, принятой в Филадельфии, было заявлено: «Труд не является товаром» (*labour is not a commodity*). Несмотря на то, что требования принять международные стандарты по регулированию домашнего труда звучали, начиная с 1936 года, это не было сделано до недавнего времени, когда стандартизация условий труда стала уже вчерашним днем деятельности МОТ. Но поворачивать вспять было уже поздно — много сил было затрачено на продвижение этой идеи.

> Регулирование достойного труда домашних работников

В настоящее время мейнстрим трудового законодательства сталкивается со значительными проблемами. Часть этих проблем является следствием неолиберальной экономической политики, другие вызовы связаны с той границей, которую закон проводит между официально занятыми работниками и теми, кто трудится в сфере теневой экономики; последних становится все больше, они все более маргинализируются и подвергаются социальному исключению. Разработанные стандарты достойных условий труда для ДР должны были служить примером признания и проблематизации современного трудового права. Будучи экспертом, я подготовила критический отчет о законодательных нормах и практиках МОТ, сосредоточив внимание на трудовых правах. Общей задачей было обеспечить включение работников, занятых в неформальной экономике, в правовую рамку. Иными словами, было озвучено, что ДР выступают с требованиями стать субъектами трудового права. Это требование действительно было значимым аргументом, поскольку Конвенция 189 и Рекомендации 201 не должны быть просто символическими инструментами или абстрактной Хартией о правах. Эти документы должны быть детализированными и всеобъемлющими, чтобы иметь действительное применение.

В ходе работы над документами произошли существенные изменения в механизме правовой трансплантации (пересадки законов — прим. ред.). Если традиционно новые законодательные инициативы апелировали к опыту правового регулирования, принятому на Глобальном Севере и затем распространялись по всему миру, на этот раз инструменты регулирования были экспериментальными. Они формулировались в значительной степени представителями стран Глобального Юга — ЮАР, Уругвай принимали участие в этом процессе наравне с Францией. В Стандартах было использовано более широкое понятие достойного труда, по сравнению с тем, которое МОТ установило в 1999 году, провозгласив принцип «Достойную работу все и каждому». В соответствии с Конвенцией 189 и Рекомендациями 201 понятие достойной работы, включает гораздо больше, чем достойные условия труда. Это понятие включает признание равенства прав ДР и других наемных работников, право на создание организаций, защиту против принудительного труда и запрет на использование детского труда. Это понятие предполагает доступ к социальной защите, включающей декретный отпуск, профессиональную безопасность, охрану здоровья и социальную безопасность — все эти параметры предполагается включать в понятие достойного труда, хотя многие комментаторы считают, что в реальности необходимо приложить немало усилий, чтобы добиться этого для ДР. И это еще не все. Стандарты предполагают создание и задействование механизмов контроля и решения конфликтов. Понятие достойной работы предполагает также привлечение внимания к злоупотреблениям, связанным с миграциями, т.е. борьбу с практиками эксплуатации трудовых мигрантов-домашних работников.

Конвенция №189 и сопровождающее дополнительное соглашение в виде Рекомендаций №201 стремятся полностью трансформировать общую рамку регулирования наемного домашнего труда. Если раньше в основе

регулирования оплачиваемой домашней работой лежал принцип поддержки субординации, — подчинения работника нанимателю — то теперь во главу угла поставлен принцип отказа от асимметрии власти. Новые правовые документы стали частью строительства альтернативного, контргегемонного, трансгрессивного и транснационального правового порядка. Их принятие позволило установить этот порядок и начать его распространение по всему миру.

Процесс изменений в сфере регулирования труда ДР идет с большими трудностями и включает ряд рисков. Я опасаясь, что те, кто регулирует в настоящее время домашнюю работу, продолжат практику пространственной субординации и порабощения. Такой поворот становится возможным благодаря новым инициативам в сфере международного трудового права, которые последовали вслед за принятием Стандартов. Новые инициативы находятся в русле набирающего силу неолиберального подхода к трудовым отношениям. Неолиберальный подход к так называемому третичному сектору сервисной экономики выражается, прежде всего, в маргинализации и расиализации женщин, занятых в сфере домашних услуг. И все-таки необходимо отметить, что мы добились прорыва. В течение менее семи лет после принятия Стандартов Конвенцию 189 подписало 25 стран Глобального Севера и Глобального Юга. Не менее важно, что возникли обучающие сообщества (*learning communities*), которые обмениваются опытом и способствуют продвижению стандартов достойного труда для ДР с помощью международных организаций трудовой солидарности. Еще более важно, что ДР сами оказались способными к мобилизации и продолжают настаивать на том, что в продвижении достойных условий труда для ДР нужно руководствоваться принципом «Все, что делается для нас, делается при нашем участии!» (*Nothing for us without us!*) ■

Адрес для связи:
Адель Блэккетт <adelle.blackett@mcgill.ca>

> Интерсекциональные истории об организации домашних работников

Крис Тилли, Калифорнийский Университет, Лос-Анджелес, США (член ИК 30 «Социология труда», ИК 44 «Рабочее движение», ИК47 «Социальные классы и социальные движения»); **Джорджина Рохас**, Центр перспективных исследований в области социальной антропологии (CIESAS), Мексика; **Ник Теодор**, Иллинойский университет в Чикаго, США

Национальный Союз домашних работников: руководители подразделений. Декабрь 2015. Фото НСДР.

Изучение организаций занятых в теневой экономике сдвинулось с фиксации самого факта их существования к исследованию того, как именно эти организации добивались успеха. Многочисленные кейс-стади посвящены мобилизации неформально занятых в пределах одного сектора экономики в конкретной стране в рамках четко определенного исторического периода, а иногда и изучению отдельной организации. Лишь незначительное число исследований посвящено сравнительным межстрановым или историческим исследованиям,

объясняющим формы, стратегии и успехи движений теневых работников.

Необходимо отметить, что именно сравнительные исследования (межстрановые и исторические) могут пролить свет на механизмы функционирования организаций неформальных работников. Проведенное нами исследование посвящено сравнительному анализу мобилизации теневых работников в Мексике и США. Это исследование сопоставляет разные страны и разные исторические периоды и, таким образом, представляет собой сложный

ряд сравнительных исследований. В данной статье мы резюмируем результаты проекта, который еще не завершен. Теоретически мы опираемся на понятие интерсекциональности в изучении общественных движений - работы Нормы Аларсон и Дженифер Чун. В соответствии с концептуальной моделью мы считаем, что домашние работники (далее - ДР) обладают множественными субординированными идентичностями: они являются женщинами, работниками низкой квалификации и принадлежат к расово или этнически маргинализованной группе. Кроме того, мы опираемся на ос-

Национальный Союз домашних работников (НСДР): паломничество к Папе Римскому. Сентябрь 2015 г. Фото из коллекции НСДР.

новную литературу по социальным движениям, теорию мобилизации ресурсов, модель структуры политических возможностей, понятия идентичности и фрейминга.

Эволюция в организации и защите прав в обеих странах характеризуется тремя типами активизма. Первые два потока опираются на идентичности работающей женщины. Третий поток мы называем новым социальным движением. Он включает разнообразные инновационные низовые движения, построенные на идентичности женщин, принадлежащих к этническим группам или мигрантскому сообществу (несомненно, эти идентичности не определяются нами как «новые»). Истории, которые мы здесь представляем, выстроены на основе нескольких источников, в том числе на данных нашей полевой работы. Особенно значимы для нас данные исторического исследования, проведенного Мэри Голдсмит в Мексике, а также Премилы Надасен и Эйлин Борис в США.

> Сравнение историй из Мексики и США

В Мексике первая волна мобилизации ДР (приблизительно меж-

ду 1900 и 1950) была запущена элитным феминистским движением, непосредственно связанным с революционным движением, которое преобразовалось позже в Институциональную революционную партию (ИПР), долгое время пребывавшую у власти в стране. Домашние работницы присоединились к движению позже, создав несколько десятков профсоюзов (связанных с ИПР) в период с 1930 по 1940 гг. В США в это время наблюдалась та же тенденция, однако она оказалось краткосрочной. Элитный феминизм рабочего движения выступал открыто в защиту трудовых прав в период 1930х- 1940х гг., и снова выступил на арене в 1960-е гг. Как и их мексиканские сестры, домашние работницы США организовывали профсоюзы в 1930-е и 1940-е годы, в данном случае под эгидой Конгресса Промышленных Союзов.

Начиная с 1970-х гг. на сцену борьбы выдвинулись новые социальные движения, которые во многом порвали с прошлым. В Мексике ассоциации ДР получили поддержку от освободительных религиозных организаций и феминистских интеллектуалов, которые не были связаны с ИПР и даже выступали

>>

с критикой партийной программы. Они подчеркивали, что по идентичности рынок ДР носил выраженно мигрантский характер (имеются в виду внутренние мигранты); большинство работниц принадлежало к коренному мексиканскому населению. В США первоначально борьбу за защиту прав ДР возглавляло феминистское крыло рабочего движения, создав Национальный комитет работников домашнего хозяйства. В 1972 г. лидером этого Комитета стала Эдит Барксдейл-Слоун. Эта чернокожая феминистка интегрировала повестку трудовых прав и движения за гражданские права афроамериканцев и поддержала создание десятков локальных организаций чернокожих домашних работниц, которые активно действовали в начале 1970-е гг., но затем пришли в упадок. В 1990-е годы движения за права мигрантов и цветные феминистки США реагировали на изменение демографического состава домашних работниц. Постепенно на этом рынке занятости стали преобладать трудовые мигранты, вытесняя афроамериканских работниц. Вследствие этого создавались новые объединения на основе различных сообществ мигрантов; кульминацией этой тенденции стало формирование Национального Союза домашних работников в 2000х.

При этом в обеих странах профессиональные объединения ДР поддерживались энергией новых общественных движений. В США открылись новые возможности объединения работников, связанные с изменением законодательства, регулирующего занятость домашних работников в публичном секторе экономики: законодательство распространяется на работ-

ников, предоставляющих услуги людям с ограниченными возможностями и пожилым. Прогрессивные профсоюзы публичного сектора экономики, которые опирались на социальную поддержку женщин и цветного населения, организовали профсоюзы домашних работников в нескольких крупных штатах в 1980-е гг. В Мексике, самая крупная и влиятельная ассоциация ДР, Центр поддержки и обучения домашних работников (ЦПОДР) образовал Национальный союз мужчин и женщин — домашних работников в 2015 г. После 1940-х гг. эта организация стала первым активно действующим профсоюзом ДР. Он возник на фоне новых политических возможностей, открытых благодаря локальному законодательству, принятому в Мексике. Биография Марселины Баутисты, лидера этих двух профсоюзов, до некоторой степени воплощает эволюцию мексиканского движения ДР. Марселина родилась в очень бедной семье в индигенном штате Оахака и переехала в Мехико. Сначала она активно работала в религиозной освободительной группе, затем перешла в феминистскую правозащитную группу, представляющую интересы среднего класса. Позже она порвала с этой организацией, чтобы основать союз, во главе которого были представители рабочего класса. Затем она основала профсоюз, которым руководили феминистки, представительницы среднего класса, выступающие в защиту трудовых прав женщин.

> Мобилизация субъективности

Политика интерсекциональной идентичности стала сквозной для каждого из потоков мобилизации ДР. Однако в каждом случае эта

политика приобретала своеобразную форму, была ориентирована на мобилизацию новой поддержки и способствовала формированию альянсов с другими движениями. Прежде всего, мобилизация подразумевала конструирование идентичности женщин; во-вторых, была мобилизована идентичность работников физического труда; в-третьих была задействована идентичность маргинализированных и расово определенных меньшинств. Движения задействовали механизм, который Чела Сандовал называет «тактической субъективностью». Этот механизм мобилизации предполагает обращение к различным структурным основаниям, фреймам и союзникам, учитывающее изменяющиеся конфигурации власти. Мобилизация ДР поддерживалась изменениями в структуре политических возможностей, которые привели не только к политическому признанию интересов ДР и поддержке со стороны ключевых представителей гражданского общества, но и к растущему влиянию в национальных политических кругах.

Интерсекциональные идентичности ДР в этих странах стали основой привлечения членов в создаваемые организации, помогли сохранению организационного единства и развитию успешных стратегий. ■

Адреса для связи:

Крис Тилли

<tilly@ucla.edu>

Джорджина Рохас

<georgina@ciesas.edu.mx>

Ник Теодор

<theodore@uic.edu>

> Глобальное управление оплачиваемым домашним трудом

Сабрина Марчетти, Университет Ка-Фоскари, Венеция, Италия

Международная организация труда (МОТ) 16 июня 2011 года в Женеве подписала Конвенцию № 189 «О достойных условиях работы домашних работников» (K189) и соответствующие Рекомендации № 201. Это событие было с радостью встречено десятками домашних работников, приехавших по этому случаю в Женеву. Подписание документов стало значимым достижением в сфере регулирования трудовых отношений, поскольку традиционно трудовые права этой категории работников не соблюдаются, и в различных социальных контекстах они обычно принадлежат к наиболее бедным и социально стигматизированным группам (среди них женщины и дети, принадлежащие к бедным слоям населения, недокументированные мигранты, этнические меньшинства и пр.). В некоторых странах домашний труд вообще не считается работой и таким образом не подлежит юрисдикции трудового права. Довольно часто домашние работники не получают денежного вознаграждения, а работают за еду и кров над головой. В тех странах, где домашний труд регулируется трудовым правом, позиция работников этой сферы существенно отличается от условий в других видах занятости, труд ниже оплачивается и в меньшей степени гарантирует социальную защиту.

Однако в последние годы мы наблюдаем постепенное развитие того, что можно назвать «глобальным управ-

European Research Council
Established by the European Commission

Проект финансируется Исследовательским советом ЕС в рамках Программы исследований и инноваций «Горизонты Евросоюза 2020».
(Грантовое соглашение № 678783 – DomEQUAL.)

лением оплачиваемой домашней работы». Формируется многоуровневая и в высшей степени гетерогенная правовая рамка, направленная на улучшение правового статуса ДР. Она возникает в результате взаимодействия различных глобальных и локальных акторов. В результате усилий многих акторов статус оплачиваемых ДР – плохие условия, дискриминация, которую они испытывают в разных частях мира, – рассматривается как глобальная проблема, решение которой становится вызовом глобального масштаба. В последние годы не только МОТ, но и другие институты предприняли ряд действий, направленных на защиту трудовых прав ДР. Среди международных организаций, чья повестка включает эту проблематику, можно назвать ООН, Международную организацию по миграции, Глобальный Форум по вопросам миграции и развития, Европейское агентство по соблюдению основных прав человека, Комиссию ООН по положению женщин, а также несколько международных

профсоюзов. Созданная в 2012 г. на Конференции в Монтевидео Международная федерация домашних работников (МФДР) обозначила глобальное распространение движения ДР, построенного на новых связях между национальными и региональными организациями ДР.

В связи с этими тенденциями важно проанализировать влияние K189 на кампании в защиту прав ДР в различных национальных контекстах. Исследователи отмечают существенные различия между странами в стратегиях общественных движений, государств и международных организаций. Государства и негосударственные организации по-разному позиционируют себя в отношении трудовых прав ДР и K189. Мы хотим выяснить, как различные локальные акторы реагируют на K189, которая является правовой мерой глобального управления трудовыми правами мигрантов; как реагирует на Конвенцию государство: как эти процессы вписываются

>>

“Статус оплачиваемых домашних работников рассматривается как глобальная проблема, решение которой становится вызовом глобального масштаба”

в более широкий контекст политических и социальных трансформаций на национальном и региональном уровнях. Чтобы ответить на сформулированные выше вопросы, я обращаюсь к данным, полученным исследовательской командой проекта DomEQUAL. Я рассмотрю положение ДР в Индии и Эквадоре - странах, которые представляют контрастирующие примеры того, как локальные (государственные и негосударственные) акторы реагируют на возможности, предоставляемые K189 для защиты прав ДР.

На государственном уровне, Эквадор и Индия проявили две противоположные позиции. Правительство Эквадора стало активно продвигать защиту прав ДР в рамках более масштабных социально-экономических реформ. Правительство Индии, напротив, несмотря на давление гражданского общества, медлило с тем, чтобы включить этот вопрос в политическую повестку. Эти национальные различия сформировали совершенно различные по модальности кампании в защиту трудовых прав ДР. Ключевые социальные акторы играли разные роли, различались также их цели и масштаб действий.

Различия между Индией и Эквадором отображают различия между географическими регионами, частью которых являются эти государства. Ситуация в Эквадоре отражает тенденции Карибского и Латино-Амери-

канского региона, характерные для периода, когда левые правительства Бразилии, Боливии, Эквадора и Венесуэлы ставили перед собой задачу улучшить положение уязвимых социальных групп, в том числе и женщин, занятых в сфере оплачиваемого домашнего труда. Мы наблюдаем в этом случае эффект подражания, когда страны региона одна за другой ратифицировали Конвенцию. В настоящее время в этом регионе уже 14 стран ратифицировало Конвенцию – это наивысшая концентрация по сравнению с другими регионами. Индия, напротив является частью региона, где в отличие от Латинской Америки, проводится меньше реформ, направленных на улучшение положения женщин и в защиту прав мигрантов. Во всей Азии K189 ратифицировали только Филиппины. Такое положение дел, несомненно, отрицательно влияет на права домашних работников.

По указанным выше причинам Индия и Эквадор демонстрируют разные модели акторов-инкубентов – то есть тех, кто продвигает нормативные инновации в сфере защиты трудовых прав ДР. Если в Эквадоре новую правовую рамку поддерживает национальное правительство, то в Индии реализуется совсем иной сценарий. Правовое регулирование ДР существует лишь в некоторых штатах (например, в Керале). На всей остальной территории страны МОТ остается основным актором, про-

двигающим повестку защиты трудовых прав ДР. Я полагаю, что в Индии государство выступает как оппонент тенденции защиты прав ДР.

В заключение, мы можем выдвинуть следующую гипотезу. В этих двух странах различия во взаимодействиях между акторами в концентрированной форме выражают различия между двумя идеями, лежащими в основе кампаний. В Индии движение развивается под эгидой идеологии прав человека, которая распространяется и на ДР. В Эквадоре речь идет о более специфических аспектах улучшения условий труда ДР. Эти две различающиеся по целям кампании мобилизовали акторов разного типа, которые вместе с организациями ДР продвигали и поддерживали защиту трудовых прав ДР. Поскольку кампания в Индии имела очень широкую повестку, трудно было найти актора, действующего в поле борьбы за равенство и права человека, который не поддержал бы кампанию в защиту прав ДР. В Эквадоре мы наблюдаем совершенно иную картину. Стейкхолдеры из традиционного феминистского движения, движения коренных народностей и рабочего движения менее активно поддерживали кампанию, поскольку не считали ее цели созвучными своей повестке дня. ■

Адрес для связи:
Сабрина Марчетти <sabrina.marchetti@unive.it>

> Маскулинность и отцовство:

женщины уезжают на заработки, их партнёры остаются дома

Хельма Лутц, Гёте-Институт, Франкфурт, Германия, член МСА с 1990 г., член ИК 05 «Исследования расизма, национализма, индигенности и этничности», ИК32 «Женщины в обществе», ИК 38 «Биография и общество», президент ИК 05 на период с 2018 по 2022 гг.

Последние 15 лет исследователи активно изучали последствия, которые имеет одиночная женская миграция на организацию жизни семей, оставшихся дома, в особенности на практики воспитания детей. Однако гендерно специфичный опыт и практики оставшихся дома отцов фактически не изучались. В своем исследовании женской миграции из Восточной Европы я изучаю опыт одиноких отцов в постсоциалистическом контексте, когда мужчины, в отличие от предшествующего опыта этих стран, должны следовать модели маскулинности, предполагающей роль добытчика.

Трансформация от «социализма» к «свободной рыночной экономике» в большинстве Восточно-европейских стран сопровождалась существенным уменьшением или полным уничтожением государственных гарантий занятости и социальной поддержки. Миллионы людей потеряли работу вследствие экономических реформ. Экономические изменения также включали отказ от государственного обеспечения в сфере заботы – многие детские сады и школы были закрыты или приватизированы. Новая политическая система привела к отрицанию «социалистического матриархата» и возрождению традиционной гегемонной маскулинности, основанной на идеале мужчины – единственного добытчика в семье. Экономическое давление усложнило реализацию этой модели. На наш взгляд, крупномасштабные мужские трудовые миграции можно объяснить как попытки соответствовать новым стандартам маскулинности. В то же время, жен-

щины – и среди них матери – также стали следовать миграционным стратегиям и даже в больших масштабах, чем мужчины, что может быть интерпретировано как преемственность в практиках, соответствующих их прежней идентичности – второго добычика в семье. Возникает вопрос: как в таких случаях мужчины-партнеры переживают отсутствие своих жён? Не боятся ли эти отцы утратить свою гегемонную маскулинность? Каковы практики повседневной прикладной заботы в таких семьях?

> Стили отцовства у мужчин, оставшихся в отправляющем обществе

Данные проведенного исследования позволяют выделить три типа практик заботы отцов: «родитель-одиночка», «отец-командир» и «вовлеченный отец». Рассмотрим случай Костики, которого мы относим к типу «отца-одиночки». Костика образованный фермер из Молдовы, который в одиночку заботится о трех детях. Его жена давно уехала на заработки в Италию. Ее можно отнести к категории недокументированных мигрантов, она работает прислужкой в итальянской семье. Обратимся к модели отцовства, которую воплощает история Костики. Все его дети работают на ферме и по дому, отец распределяет задания и старается, чтобы работа была распределена поровну и дети хорошо занимались в школе. Он не сомневается в том, что дети нуждаются в заботе, но отмечает, что он не в состоянии заботиться о них как мать. Отец чувствует себя виноватым – он сам говорит об этом – в том, что лишает детей детства. Он сравнивает свои отцовские практики с грубой копией материнской заботы и подчеркивает ограничения своей родительской роли.

Второй тип – «отец-командир» – имеет гораздо большее распространение, чем тип отца-одиночки. Украинский отец по имени Сергей, бывший учитель, ведет свой бизнес, а его жена вовлечена в поток челночной миграции, работая домашней работницей в Польше. Отец частично делегирует домашнюю работу тестю и теще, частично детям и чрезвычайно горд тем, что сам он избегает домашнего труда. Он представляет себя как эксперт по менеджменту ситуации в отсутствие матери: он дает инструкции членам семьи, по его собствен-

ным словам – он командует войсками. Когда жена возвращается, она вновь берет на себя ответственность по ведению домашнего хозяйства и заботе о детях. Его отцовская практика находится в соответствии с гендеризованным распределением занятий в рамках традиционной гегемонной маскулинности.

Третий тип – «вовлеченное родительство» – встречался в нашей выборке крайне редко. Тем не менее, ему соответствует случай Павла, польского техника, который остается дома со своим пятилетним сыном, когда жена отправляется на сезонную домашнюю оплачиваемую работу в Германию. Как большинство мужчин, оказавшихся в подобной ситуации, он продолжает работать мастером на автомобильном заводе, где он занят в очные и дневные смены. Павел несет все тяготы заботы о детях и домашнем хозяйстве. По его собственным словам, он предпочитает справляться сам, без посторонней помощи. Как вовлеченный отец, он гордится тем, что успевает всё – растит сына и работает в полную силу, несмотря на все сложности баланса занятий, с которыми обычно сталкиваются одинокие матери.

> Негоциация при исполнении заботы

Описанные выше случаи демонстрируют различия между тремя типами отцовской практики: «вовлеченного отца», «отца-командира» и «отца-одиночки». Для всех этих практик характерна общая черта – все отцы продолжают работать в сфере оплачиваемой занятости и таким образом соответствуют идеалу гегемонной маскулинности, даже если в их случае это идеал подвергается эрозии на практике и финансовое положение семей трудно назвать благополучным. Павел берет на себя выполнение «материнских» задач и для него кодирование его практик как «женских» не становится проблемой. Однако предпочитаемая им модель заботы входит в конфликт с требованиями его рабочего места, и в этом смысле его опыт сходен с опытом многих работающих матерей, которые страдают от двойной нагрузки. Сергей отрицает всякий намек на ролевую инверсию и с самого начала не пытается заменить мать. Напротив, он старается поддержать имидж единственного добычика в семье, несмотря

на то, что реальность не соответствует такому образу.

Я утверждаю, что отцовская практика Павла и Костики фактически соответствует ожиданиям, предъявляемым материнским практикам при государственном социализме. Это практика двух доходов в семье, где такой уклад был не идеалом, а практической реальностью. В условиях существующего в наше время идеала гегемонной маскулинности, очевидно, что отцы, оставшиеся дома, когда жены уезжают на заработки за границу, вряд ли получают признание как пионеры модифицированного отцовства. Напротив, они должны защищать себя от оскорбительных нападок, от титула «слабаков», от символического исключения. Вследствие нормативного давления они не ставят под сомнение существующую гегемонную модель.

В целом эти случаи иллюстрируют два аспекта миграционных процессов. Во-первых, они демонстрируют, что в контексте фрагментации семьи ее члены испытывают эмоциональную нагрузку и практическую напряженность. Оставшиеся дома отцы должны согласовывать практики заботы не только со своими партнерами, но и со своим соседским сообществом и обществом в целом. В отправляющих странах Центральной и Восточной Европы нет никаких программ поддержки семей, в которых матери отправляются на заработки за границу. Это происходит оттого, что челночная и сезонная миграция женщин интерпретируется как их «временное отсутствие» в домохозяйстве, а экономический вклад и вовсе не учитывается государством. Сходным образом, получатели домашней работы и заботы в принимающих странах не осознают эмоциональных затрат и той борьбы, в которую вовлечены работники-мигранты. Во-вторых, когда женщины становятся кормильцами семьи, отправляющие общества понимают, что их отсутствие дома образует лауну и порождает гендерное беспокойство (*gender trouble*). Адекватным ответом отправляющих обществ в таких условиях было бы признание и поддержка отцовства как «уважаемой» работы. Однако перспективы таких изменений весьма проблематичны.

Адрес для связи:
Хельма Лутц <lutz@soz.uni-frankfurt.de>

> Сингапур — прекрасное место для воспитания детей... Но не для всех!

Юенн Тео, Наньянский технологический университет, Сингапур, член ИК 19 «Исследования бедности, социального обеспечения и социальной политики» и ИК 32 «Женщины в обществе»

Контрастные реальности Сингапура.

В течение последних лет проблема «гармонии жизни и работы» выступила на передний план в публичных дебатах в Сингапуре. Правительство страны увеличило социальную поддержку родителям, чтобы позволить им – особенно, матерям – осуществить приемлемый баланс между оплачиваемой занятостью и заботой о детях. В то же время продолжает активно действовать Программа привлечения иностранных домашних работников, долгое время являющаяся ключевым механизмом государственной реакции на потребности в заботе. Рост общественного внимания к проблеме дефицита заботы сочетается с широким распространением коммерческих услуг в отношении заботы о детях. Детские сады и детские группы разного рода предлагают свои услуги, а их цена зависит от соотношения числа детей и работников детских учреждений. Развивается система досуговых центров, удовлетворяя запросы родителей, которые хотят, чтобы их дети занимались музыкой, шахматами, искусством, рукоделием, танцами, боевыми искусствами, футболом, теннисом, плаванием и проч. Коммерческие «образовательные центры», ориентированные на овладение научными знаниями, существуют при каждом районном торговом центре – моле. Эти учреждения играют клю-

чевую роль в организации досуга детей школьного возраста. Несмотря на то, что эти структуры не интерпретируются как учреждения, предоставляющие заботу, они являются существенным компонентом инфраструктуры заботы, поскольку именно здесь дети проводят значительную часть своего времени, занимаясь по несколько часов несколько раз в неделю.

Логистика перемещения детей между домом, школой и образовательными центрами обеспечивается благодаря большому количеству домашних работников-мигрантов (в основном приехавших из Филиппин и Индонезии). Их работа включает сопровождение детей из одного места в другое. Я живу в районе Сингапура, который плотно населен европейскими, американскими и австралийскими семьями, и матери постоянно говорят о том, как хорошо воспитывать детей в Сингапуре по сравнению с теми странами, откуда они приехали. Родители подчеркивают два важных преимущества устройства заботы о детях в Сингапуре. Во-первых, здесь существует огромное разнообразие образовательных центров для детей; родители могут себе позволить нанимать домашних помощников на полный рабочий день. Матери обращают внимание на тот факт, что финансово

>>

обеспеченные семьи, независимо от национальности, включая коренных сингапурцев, считают этот город прекрасным местом для воспитания детей, поскольку здесь есть доступ к детским сервисам, характерным для развитых стран (так называемого Первого мира), и при этом доступна прислуга из стран Третьего мира.

Но это одна сторона медали. Ситуация выглядит совершенно иначе для жителей Сингапура с низкими доходами. Их повседневная жизнь суетлива и перегружена. Они выполняют домашнюю работу, заботятся о детях, готовят пищу и часто заняты на рабочих местах, предполагающих физически тяжелую истощающую сменную работу (например, работы кассира, охранника, уборщиков и уборщиц). Эти люди находятся в постоянном стрессе из-за нехватки денег на еду и оплату жилья. Их дети, по контрасту с детьми из семей среднего класса, поражают своей независимостью. В восьмилетнем возрасте они умеют готовить рис и жарят яичницу; самостоятельно ходят в школу и возвращаются домой; они даже ухаживают за младшими братьями и сестрами. Родители со стесненным финансовым положением рассказывают, как они волнуются за своих детей, которые часто остаются дома одни без присмотра взрослых и без развивающих занятий. Они также озабочены угрозой потери работы, особенно когда они берут отгулы, оставаясь дома с больными детьми или во время каникул.

Получается, что в случае низкого дохода Сингапур оказывается не таким уж прекрасным местом для воспитания детей. Существуют выраженные классовые различия в доступе к детским сервисам, несмотря на развитие инструментов социальной поддержки и множество опций организации детского времени. Классовые различия чрезвычайно значимы, а сингапурский режим баланса работы и заботы, который представляется чрезвычайно дружелюбным для обеспеченных семей, совсем не таков для низкодоходных.

В этом номере ГД авторы анализируют множество вариантов соотношения микропрактик частной жизни и более масштабной политэкономии заботы. Мое исследование также выявляет механизмы, с помощью которых «выбор», который делают люди, формируется теми опциями, которые им доступны. Опции выбора, доступные семьям, несмотря на общий рост сервисов заботы в отношении детей, все еще зависят от рынка и вовлеченности в сферу формального оплачиваемого труда. Этот сюжет является частью более масштабной картины неолиберального капитализма, при котором государство и общество содействуют индивидуализированному и маркетизированному решению вопроса о

потребностях людей. Поскольку эти тенденции являются устойчивыми и воспроизводятся в разных формах в разных обществах, необходимо обратить внимание на то, как такие политэкономические условия разрушительно влияют на жизнь людей, находящихся в стесненных социально-экономических условиях.

Экспансионистский рост потребностей в заботе и удовлетворение этих потребностей с помощью рыночных услуг, в особенности с помощью труда мигрантов, – это та реальность, которая никуда не исчезнет в ближайшие десятилетия, особенно в богатых городах мира. Мы должны масштабировать анализ последствий такого положения вещей и не только для тех, кто непосредственно включен в «глобальную цепь заботы», но и живущих в обществе, где эта цепь приведена в действие. В обществах, где режим заботы основан на индивидуалистических рыночных принципах, и где мигранты массово заняты в сфере заботы и домашнего труда, особенно страдают семьи с низкими доходами, чьи потребности в помощи игнорируются, замалчиваются и не удовлетворяются. Для них сочетание работы и заботы представляет собой огромную проблему. Политики и ученые до сих пор игнорировали тот факт, некоторые виды оплачиваемого домашнего труда в обеспеченных семьях – например, сопровождение и развоз детей по различным образовательным и воспитательным центрам – создает неравенство между детьми.

Как исследователи-феминисты и активисты, подвергающие критике государственную политику, социальные нормы и корпоративные практики, мы должны постоянно обращать внимание на классовые различия и неравенства в доступе к благам. Для многих из нас долгое время такая активистская позиция не была приоритетом. Необходимо подвергать анализу неравенство, порождаемое дискурсом публичной политики в отношении женщин и критически изучать режимы работы и заботы, режимы миграции, которые оставляют без внимания реальные практики домашнего труда. Нужно обсуждать последствия политики поддержки домашней работы, обращая особое внимание на низко доходные группы и условия труда людей, которые к ним относятся. Необходимо анализировать социальные последствия оплачиваемого домашнего труда для публичной политики, для благополучия различных социальных групп. Необходимо критически анализировать конфигурацию глобальных цепочек заботы в разных контекстах. ■

Адрес для связи: Юенн Тео <yyteo@ntu.edu.sg>

> Рекрутирование и подготовка

домашних работников-мигрантов в Японии

Пэй-Чиа Лан, Национальный университет Тайваня, член ИК 31 «Социология миграции»

Тренинг для домашних работников. Фото из собрания [Всемирного банка](#). Лицензия CC BY-NC-ND 2.0.

В то время как страны Восточной Азии с давних пор активно рекрутировали домашних работников-мигрантов из Юго-восточной Азии, Япония открыла свои ворота для мигрантов совсем недавно. В 2014 г. премьер-министр Синдзо Абэ стал проводить политику женского трудового участия, гарантируя доступ иностранных домашних работников в шести регионах-метрополиях. Эти работники, однако, не обязательно должны проживать в тех домохозяйствах, которые используют их услуги. В основном они нанимаются и контролируются агентствами надомного труда. Предполагаемые работники должны пройти 400 часов обучения по про-

граммам, предполагающим овладение японским языком, навыкам домашней работы, культурному этикету, включая правильные поклоны как выражение вежливости. Один из чиновников прокомментировал в газете *The Japan Times* (1 января 2017 г.): «Это происходит очень по-японски. Мы не можем позволить им просто приплыть сюда без всяких условий, в отличие от того, как это делают в Гонконге».

Перед тем, как открыть двери домашним работникам-мигрантам, Япония в 2008 г. подписала Соглашения об экономическом сотрудничестве (СЭС) с Индонезией, Филиппинами и Вьетнамом. Из эти государств Япония принимала

>>

сертифицированных сиделок (*кангоси*) и помощников по уходу (*кайго фукусиси*). Их принимали на работу в медицинские учреждения или социальные дома для поддержки пожилых и людей с ограниченными возможностями.

Исследование занятости мигрантов, осуществляющих заботу и уход в Японии, позволяет изучить как общество неготирует культурные значения и институциональные рамки, создавая модели «идеальных мигрантов, предоставляющих услуги заботы». Государство с огромной осторожностью предпринимает шаги, позволяющие мигрантам-сиделкам и специалистам по уходу работать в медицинских учреждениях в соответствии с СЭС. Государство контролирует квоты, осуществляет рекрутирование и вводит дорогостоящие программы интенсивной подготовки специалистов по уходу. Хотя потенциальные мигранты СЭС являются квалифицированными работниками, специализирующимися на уходе, они должны посещать курсы в учреждениях, обладающих лицензией Японской корпорации социальных услуг (ЯКСУ). Только после получения соответствующего сертификата они допускаются на работу и учебу в больницы или социальные дома. Кандидаты должны сдавать соответствующие национальные экзамены, чтобы получить сертификат медсестры или помощника по уходу. Успешно сданные экзамены позволяют обновлять визы и получить право постоянного проживания в Японии.

Программы подготовки СЭС нацелены на сокращение этнических различий и снижение барьера инаковости мигрантов. Беата Свитек назвала японские дома сестринского ухода средой «культурной близости», где мимикрия японской традиции создает эссенциалистский образ прошлого, что позволяет пожилым обитателям чувствовать себя комфортно в учреждении, несмотря на социальную изоляцию. Работники-мигранты должны освоить нормы общения и практики, соответствующие японской культуре заботы и ухода так, чтобы старые люди испытывали чувство культурной близости, чтобы не пострадало их чувство собственного достоинства, когда за ними ухаживают работники, с которыми их не связывают родственные или этнические связи.

Значительная часть программы подготовки предполагает освоение японского языка – и не просто на уровне поддержания элементарного разговора, но достаточного для чтения и письма (391 часа подготовки до приезда в Японию и 675 после прибытия в страну). Самой сложной задачей является освоение китайских иероглифов (*кандзи*), что необходимо, поскольку медики в Японии чаще используют *Канji* вместо фонетического письма в медицинской документации и коммуникации. Владение японским необходимо не просто для облегчения коммуникации и документации, но рассматривается как проявление уважения в отношении пожилых клиентов (*кэйко*).

Программа подчеркивает культурный аспект практик заботы и ухода и помогает будущим работникам научиться культурным аспектам «заботы по-японски». Инструкции, посвященные культурному смыслу понятия «чистоты», как она понимается японцами, помогает обучающимся понять, почему принятие ванны, а не обтирание губками, считается столько существенным элементом качественного ухода за пожилыми в Японии. Сегодня японская промышленность выпускает больше подгузников для пожилых, чем для младенцев. На занятиях будущие сиделки и помощники по

уходу обучаются правильно менять подгузники, различающиеся по цвету и предназначенные для разных целей и используемые в разное время. Они обучаются тому, чтобы понимать, что практики обращения с подгузниками для пожилых в Японии имеют прямое отношение к их чувству собственного достоинства и автономии.

Курсы включают также предметы, посвященные японской культуре и общественной жизни. Слушатели изучают японские правила питания, включая ритуальную фразу «*итадакимас*» («принимаю эту пищу с благодарностью»), которые произносятся при совместной трапезе в палатах. Они учатся ценить аромат специфических японских блюд, таких как *васаби* или *йозу*. Их учат носить национальную японскую одежду – *кимono* (которое должно запахиваться справа налево) и понимать национальную культуру стыда. Все эти навыки считаются необходимыми для того, чтобы предоставлять надлежащую помощь, одевая и раздевая пожилых людей. Некоторые обучающиеся, которых я интервьюировала, считали эту часть подготовки «очень полезной». Другие критиковали такие занятия, считая их совершенно бессмысленными (никто не носит *кимono* в домах для престарелых!). Ознакомление помощников по уходу с японскими традициями и культурой имеет скорее символическое, чем практическое значение. Оно порождает чувство культурной близости не только с пожилыми клиентами, но и с японским обществом в целом.

Программа подготовки также включает коммуникацию и взаимодействие с японскими коллегами. Обучающиеся получают представление о культуре работы в японских больницах и домах ухода, которая предполагает длинный и жестко определенный рабочий день и жесткую должностную иерархию. Сотрудники учреждений должны следовать стандартизированным процедурам и оформлять детальную документацию, что гарантирует профессиональное качество заботы. Вероятность потенциальных медсестер и помощников по уходу получить профессиональный сертификат и подняться по служебной лестнице в Японии крайне низка из-за высокого лингвистического барьера и требований к освоению японского языка. Даже те, кто получают лицензию, решают впоследствии вернуться домой, поскольку в Японии они чувствуют себя изолированными и исключенными из японской социальной и культурной среды.

Описанная выше программа СЭП рассматривает мигрантов, работающих в сфере заботы и ухода, как «профессиональных других». В отличие от других восточно-азиатских стран, принимающих трудовых мигрантов на временное пребывание, японская система гарантирует приезжим работникам доступ к большому количеству социальных бенефитов. Хотя в принципе такие работники могут получить право на постоянное проживание в стране, высокий порог доступа к работе, связанный с необходимостью получения сертификата, языковым барьером и требованиями соответствия локальным культурным практикам, создают препятствия, которые могут преодолеть совсем немногие. Таким образом профессионализм не является надежным ресурсом социальной мобильности для потенциальных медсестер и сиделок-мигранток; он становится механизмом исключения иностранцев из этого рынка занятости. ■

Адрес для связи: Пэй-Чиа Лан <pclan@ntu.edu.tw>

> Беременность и деторождение как оплачиваемый труд

Шармила Рудраппа, Техасский университет в Остине, США

Беременность и деторождение стали международным бизнесом.

Беременность и роды никогда не были просто естественными феноменами. Они формируются культурой, на эти процессы чрезвычайно сильно влияют идеалы расовой чистоты, патриархального линьяжа, материнского призвания. Эти события обладают выраженным гендерным профилем, и в них в концентрированной форме находят выражение процессы дарения и обмена, которые являются ключевыми в создании семей и сообществ. Домашнее воспроизводство, в котором заняты матери, рассматривается как воплощение заботы, самоотверженной любви и материнского самопожертвования.

Эти гендеризованные формы труда в сфере воспроизводства крайне значимы для создания семей, которые идеализируются как священные союзы. Именно поэтому в дискурсе беременность и роды защищаются от налета чисто обменных профанных денежных отношений, которые характерны для грубого рынка с его меркантильными интересами. Что же происходит, когда женщина беременеет и рождает в обмен на денежное вознаграждение? Какого типа оплачиваемый труд являют собой беременность и деторождение?

Данные вопросы возникают в контексте коммерческой суррогатности, при которой суррогатная мать вынашивает и рождает детей для определенной пары или одинокого родителя в обмен на определенную сумму денег. Суррогатная мать не имеет генетического отношения к эмбрионам, имплантированным в ее тело, которые в правовом смысле принадлежат тем людям, которые собираются стать родителями. Сами эмбрионы являются продуктом различных рыночных взаимодействий, которые предполагают покупку человеческой спермы или яйцеклетки у конкретных лиц или получение половых клеток, содержащихся в специализированных хранилищах. Несмотря на то, что различные социальные акторы, участвующие в этом процессе, не имеют ясного представления о том, что является предметом обмена, согласно установленным стандартам производства, суррогатные матери получают денежное вознаграждение не за то, что они родили ребенка, а за предоставление услуг по внутриутробному вынашиванию младенца (так называемые «гестационные услуги»).

Мое исследование суррогатности показало, что, как и большинство людей, суррогатные матери Индии, при-

>>

надлежащие к трудящимся классам, и будущие родители высшего среднего класса, которых я интервьюировала, ранее не имели опыта обмена беременностью на деньги. У этих людей немного ресурсов, которые могут помочь им принимать решения в контексте маркетизации биологических репродуктивных сервисов. В результате они думают об отношениях обмена в привычном для них духе. Они задаются следующим вопросом: рассматривать ли суррогатное материнство в контексте обмена дарами или как вариант обмена товарами? Дар и товар – это термины, используемые для обозначения различия между двумя типами объектов, циркулирующих в социальных пространствах. Различия связаны с тем, как перемещаются эти объекты. Литература, посвященная различию товарного обмена и обмена дарами чрезвычайно обширна. Суть различия заключается в том, что обмен дарами обозначает продолжающиеся устоявшиеся социальные отношения между индивидами или группами людей. Обмен дарами не является эгалитарной практикой, он встроен в существующие социальные иерархии, детерминированные возрастом, гендером, степенью здоровья, сексуальностью, религией, расой и кастовыми различиями. Для товарного обмена, напротив, характерна мимолетность отношений, при которых работники и потребители обычно являются посторонними друг другу. В обмен на деньги потребители получают от работников товар (услугу). И работники, как правило, находятся в невыгодном положении, поскольку такова структура капиталистических отношений. Таким образом, дары и товары отображают социальные отношения. Экономика дара и товарная экономика предполагают конституирование разных форм проявления личности, встроенной в эти отношения. Вовлеченные в эти процессы личности сами конституируются отношениями товарного обмена или обмена дарами.

Будущие родители и суррогатные матери, вовлеченные в мое исследование, обсуждали свои отношения, и понимали вопросы о том, являются беременность и деторождение даром или товаром. Суррогатные матери представляют плотное описание усилий, затраченных ими на вынашивание и подробно рассказывают, как они старались продать свои услуги подороже. Но вместе с тем они выражают надежду на то, что в коммерческой практике суррогатности сохраняются принципы обмена дарами. Они отдают себе отчет в том, что заработанные деньги растают без следа через несколько месяцев и им нечего будет предъявить обществу в качестве результатов своего труда. Они хотели бы продолжать завязавшиеся отношения с родителями, принадлежащими к высшим классам, поскольку потенциально они могли бы использовать эти сети для краткосрочных займов, рекомендаций для устройства на работу и доступа к другим социальным благам, которые могут быть конвертированы в экономический капитал. Будущие родители, однако, оказались единодушны в своем видении отношений. Несмотря на то, что риторически они используют категорию дара, говоря, что усилия суррогатной матери, которая выносила их ребенка, невозможно измерить в денежном выражении, они действуют как обычные потребители капиталистического общества. Они не собираются продолжать отношения с бедными женщинами из стран Третьего мира

и, как правило, прекращают всякие контакты, после завершения транзакции. Они выполняют условия контракта, полностью выплачивают сумму, обозначенную в договоре, и в правовом отношении их обязательства на этом исчерпываются.

Агентства по предоставлению услуг суррогатного материнства, врачи-специалисты по решению проблем бездетности, и потенциальные родители – все рассматривают суррогатность как форму оплачиваемого труда; это проявляется во взаимодействиях и в косвенных репликах. Однако эксплицитно эти акторы не пользуются соответствующей терминологией. Социологи еще не пришли к согласию о том, какой термин лучше описывает эти эмергентные формы репродуктивного труда – «производящая утроба» (*industrial womb*) или «работающая в качестве матери» (*mother worker*).

Возникает вопрос: каким собственно видом труда становятся беременность и деторождение, когда они инкорпорируются в рыночные отношения? На первый взгляд, суррогатность может рассматриваться как форма интимного труда (*intimate labour*), т.е. тип занятости, который включен в поддержание, управление и продвижение межличностных связей, с помощью удовлетворения телесных потребностей и нужд получателей заботы. Однако интимный труд, как правило, не подразумевает задействование всего тела работника, в отличие от суррогатного материнства. Секс-работа в некоторой степени напоминает по своему характеру суррогатное материнство, однако она не включает работу по вынашиванию растущего эмбриона, которая как раз и создает прибавочную стоимость в случае коммерческой суррогатности. Поскольку суррогатность предполагает задействование биологических телесных процессов, она более точно описывается как форма труда по участию в клинических экспериментах, когда женщины дают согласие медикам на доступ к своим телам, с целью получения дохода от производимых манипуляций.

Интерпретируя суррогатность как форму клинического труда, мы не только описываем процессы, с помощью которых вынашивание и беременность становятся объектами извлечения прибавочной стоимости; мы легитимируем биологический репродуктивный труд женщин, которые таким образом зарабатывают себе на жизнь. Суррогатное материнство является одной из форм углубляющейся телесной коммодификации. И хотя этот феномен без сомнения является перверсивным, но его нельзя не замечать и заниматься мечтаниями о более невинных временах, когда женский труд ограничивался приватной сферой семьи и родственных связей. Обозначить суррогатность как клинический труд, значит отдать должное современным процессам коммодификации жизни, которые стали чрезвычайно разнообразными и глубокими. Если признать суррогатность в качестве особого вида труда, можно обсуждать возможность организации, коалиций с другими работниками репродуктивной сферы, например, нянями, учителями и медицинскими сестрами. ■

Адрес для связи: Шармила Рудраппа <rudrappa@austin.utexas.edu>

> Исследовательская сеть по защите прав домашних работников

Сабрина Марчетти, Университет Ка-Фоскари в Венеции, Италия, **Хелен Швенкен**, Оснабрюкский Университет, Германия, член ИК 31 МСА «Социология миграций», ИК 44 «Рабочее движение», при участии Мэри Голдсмит (Мексика), Сонала Шармы (Индия), Лизы-Мари Хаймесхофф (Германия), Верны Виаджар (Филиппины) и Оксаны Балашовой (Украина).

Встреча участников сети в Венеции, Италия, Июль 2017 года. Фото С. Марчетти и Х. Швенкен.

Исследовательская сеть по защите прав домашних работников (ИС-ЗПДР, *RN-DWR*) – это глобальная сеть исследователей-активистов и членов организаций домашних работников в сфере оплачиваемого домашнего труда, которая существует уже почти десять лет.

> Контекст

В течение последних десятилетий социальные науки стали уделять все больше внимания проблематике гендера, миграции и глобализации рынков заботы. В связи с этим исследователи чаще стали изучать оплачиваемый домашний труд¹ в сотрудничестве с самими домашними работниками и организациями, представляющими их интересы. Исследовательские усилия представителей научного сообщества и активистов, как правило, слабо связаны. Поэтому в 2009 году была основана инициативная сеть, состоящая из исследователей Международного центра изучения развития и достойной работы, Глобального института труда (ГИТ) и представителей других европей-

ских и международных университетов. Эта Сеть получила поддержку организации [WIEGO](#) (Женщины в сфере неформальной занятости) [Международной федерации домашних работников \(IDWF\)](#) и голландского профсоюза ФНВ Бондгенотен. Созданная инициативная группа поставила перед собой задачу не только изучать домашний труд, но и сотрудничать с домашними работниками в рамках исследований и в защите их прав.

Основатели этой Сети обладают двойной идентичностью – исследователей и активистов. В процессе подготовки Конвенции МОТ №189 они несколько раз встречались в Женеве (где находится офис МОТ) и проводили исследование, целью которого была разработка программы поддержки рабочей группы, готовящей Конвенцию. Другие члены Сети озвучивали свою позицию на встречах в МОТ. Но речь шла не только об исследовательском проекте. Мы обсуждали механизмы сотрудничества исследователей и организованных домашних работников и что нужно сделать, чтобы их взаимодействие было более продуктивным. Многие организованные домашние работники ис-

>>

пытывали фрустрацию по отношению к исследователям. В ходе интервью они должны были тратить много своего времени как информанты и при этом не видели результатов научной работы, не видели смысла в своем участии. Другие жаловались, что исследователи, изучая жизнь и труд домашних работников, хотят получить только нарративы жертвы (виктимизирующие нарративы). При основании Сети домашние работники принимали активное участие в обсуждении принципов ее работы.

Возникшая на основе инициативной группы, ИС-ЗПДР была официально учреждена на Международной Конференции Труда в Женеве в июне 2011 года, где была принята Конвенция №189 «Достойная работа домашним работникам». Основной задачей Сети стало содействие ратификации Конвенции и изучение ее влияния в разных социально-политических контекстах.

> Принципы

ИС-ЗПДР проводит исследования, основываясь на следующих принципах:

- Проведение значимого и качественного исследования, которое отвечает потребностям организации домашних работников.
- Развитие доверительных отношений между исследователями и представителями организаций домашних работников (прежде всего МФДР - IDWF).
- Содействие доступности результатов исследований не только научной аудитории, но также домашним работникам и их организациям.
- Создание сообщества исследователей-единомышленников данной проблематики в различных географических пространствах.
- Презентация, издание и распространение результатов исследований с целью продвижения активизма домашних работников и содействия их борьбе за свои права.

> Практики

Основная задача Сети заключается в поддержке информационной картины о глобальной карте исследователей, которые придерживаются общих принципов, и осуществлении их связи друг с другом. Для выполнения этой координационной задачи Сеть регулярно издаёт [информационный бюллетень](#) о своей деятельности, в котором представлена информация о текущих исследованиях по нашей проблематике и представлено состояние дел в сфере защиты прав домашних работников.

Участники Сети съезжаются на ежегодную встречу в начале лета, приуроченную, как правило, к какой-либо конференции, организованной МСА, или посвященной непосредственно исследованию трудовых отношений. На этой встрече участники обсуждают изменения в социальном положении домашних работников в разных регионах, информируют о текущих исследованиях, а также разрабатывают проекты совместных исследований.

В 2014 г. мы издали [руководство](#) под названием «We want to be the protagonists of our own stories» («Мы хотим стать героями наших собственных рассказов»). Kassel: Kassel University Press, доступно для бесплатного скачивания). Эта публикация стала результатом сотрудничества участников Сети в изучении социальной защищенности домашних работников. Домашние работники в ЮАР и Нидерландах также принимали участие в этом проекте. Целью сотрудничества была также поддержка организаций ДР в документации их труда, независимо от профессиональных исследователей.

> Проблемы

Эта история может многим показаться успешным экспериментом единомышленников, которым удалось создать глобальные связи и провести социально значимое исследование при участии домашних работников, результаты которого стали доступны целевой группе. Однако все не так безоблачно, и мы сталкиваемся со многими проблемами.

После десятилетия работы Сети многие наиболее активные исследователи (по крайней мере, частично) сменили сферу своего академического интереса или ушли из университетов или организаций, в рамках которых можно было проводить подобное активистское исследование. Совершенно естественно, что актуальность работы, связанная с подготовкой Конвенции №189 в настоящее время утрачена; активисты и исследователи вернулись к так называемой «нормальной» фазе своей деятельности, т.е. энтузиазм несколько спал, а общественный интерес к теме снизился. Если всерьез относиться к принципам работы Сети, нужно признать, что сотрудничество исследователей с организациями домашних работников должно быть более систематическим и интенсивным. Прежде всего, оно должно сказываться на выборе тематики исследований и обеспечивать доступность результатов для представителей организаций ДР. Исследователи – участники Сети, работающие в университетах и других академических учреждениях, обращают внимание на то, что методология акционистских и патисипаторных исследований с трудом интегрируется в традиционные исследовательские контексты и не учитывается критериями, используемыми для оценки научной карьеры. И, наконец, региональная диффузия Сети неравномерна, и на нашей карте мира существует немало белых пятен. Однако, несмотря на эти проблемы и нехватки, внутрисетевые взаимодействия и контакты очень нужны ее членам. Востребованность Сети только усиливается тем обстоятельством, что активистские исследования не слишком популярны в этой сфере, и потому Сеть создает явное преимущество для наших исследовательских практик.

Более подробная информация доступна в нашем [блоге](#) и на [странице в Фейсбуке](#). ■

¹ Ссылки на источники см. в нашем [блоге](#) и в [информационном бюллетене](#).

Адреса для связи:
Сабрина Марчетти <sabrina.marchetti@unive.it>
Хелен Швенкен <hshwenken@uni-osnabrueck.de>

> Идея резонанса как социологическая концепция

Хартмут Роза, Йенский университет, Германия

Идеал вечной спешки лишь усугубляет
глубокое отчуждение.

Какая форма человеческого существования является альтернативой отчуждению? Что является другим для отчуждения (*alienation's other*)? В данной статье предпринимается попытка ответить на эти вопросы и предлагается социологическая концепция резонанса.

Я считаю, что отчуждение — это определённый способ отношения к миру вещей, к людям и к самому себе, в котором нет взаимного отклика (*responsivity*), то есть отсутствует значимая внутренняя связь. Это отношение, не подразумевающее настоящей вовлечённости. В этом режиме, конечно, присутствуют инструментальные контакты и взаимодействия, но мир

>>

“Взаимодействие в режиме резонанса имеет трансформирующий эффект, ему имманентно присуща непредсказуемость и неподконтрольность”

(со всеми его свойствами) не воспринимается субъектом, он представляется безмолвным, не имеющим звука и цвета. Отчуждение, таким образом, это отношение, для которого характерно отсутствие подлинного, живого обмена и взаимосвязи: между молчаливым и серым миром и «бесчувственным» субъектом нет жизни, оба как бы «заморожены» или неподдельно хаотичны и испытывают взаимное отвращение. Следовательно, в состоянии отчуждения личность и мир оказываются соотнесёнными совершенно равнодушным или даже враждебным образом.

Примечательно, что реальное чувство отчуждения становится намного более понятным, когда мы думаем о его альтернативе. Отчуждению противостоит такой способ отношения к миру, при котором субъекта затрагивают и волнуют люди, места, объекты, т.д., с которыми он или она сталкиваются. С точки зрения феноменологии, мы все знаем, что значит быть взволнованным чьим-то взглядом или голосом; услышанной музыкой, прочитанной книгой или увиденными местами. Так, способность находиться под впечатлением чего бы то ни было и в ответ развивать внутренний интерес к тому, что на нас воздействует, является ключевым элементом любого позитивного отношения к миру. Отсутствие такого интереса, как известно из психологии и психиатрии, считается главной причиной всех форм депрессии и выгорания. Тем не менее, аффективное воздействие недостаточно для того, чтобы преодолеть отчуждение. Ещё необходима способность «ответить» на сигнал: когда мы чувствуем себя затронутыми так, как было описано выше, мы часто реагируем физически, покрываясь гусиной кожей, испытывая учащение сердечного ритма, изменение кровяного давления, сопротивление, и т.д. Резонанс — термин, которым я хочу обозначить двойственное движение аффективного воздействия (когда что-то внешнее затрагивает нас) и ответной э-моции (мы эмоционально отвечаем на воздействие и таким образом устанавливаем взаимосвязь). Резонанс всегда и неизбежно имеет телесное основание. Однако, конечно, такой ответ также обладает психологическими, социальными и когнитивными характеристиками. Он основан на опыте, который мы можем использовать, чтобы установить контакт и ответить на сигнал. Таким образом мы можем установить отношения как через нашу внутреннюю, так и через внешнюю реакцию. Именно через ответную реакцию реализуется процесс восприятия. Мы переживаем резонанс такого рода, например, в любовных или дружеских отношениях, а также в аутентичном диалоге, когда играем на музыкальных инструментах, в спорте и часто на рабочем месте. Через рецептивную так же, как и ак-

тивную взаимосвязь осуществляется процесс непрерывной трансформации себя и мира.

Таким образом резонанс не строится исключительно на опыте аффективного воздействия, но также базируется на том, что можно назвать действенной силой личности (*self-efficacy*). В социальном измерении переживаемый опыт действенной силы человеческой личности (селф) осознается, когда мы обнаруживаем, что нам удалось достучаться до сердец других людей и повлиять на них, что они действительно нас слушают, чувствуют нашу взаимосвязь и в свою очередь отвечают нам. Но, разумеется, действенная сила, также может переживаться, когда мы играем в футбол или на пианино, когда мы пишем текст, с которым мы боремся (и который неизбежно говорит своим собственным голосом), и даже когда мы стоим на берегу океана и «соединяемся» с накатывающими волнами, водой и ветром. Только в таком режиме рецептивного воздействия и ответной действенной силы личности личность и мир соотнесены должным образом: встреча трансформирует обе стороны, она создает субъект и переживаемый им мир опыта. Конечно, существует общеизвестная проблема, связанная с тем, что такой подход незамедлительно вызывает возражения. Критики отметят, что субъект может действительно преобразоваться во взаимодействии со скрипкой или океаном, а вот последние едва ли претерпят какие-либо изменения. Здесь следует обратить внимание, что этот аргумент, по сути, опирается на вполне определенную эпистемологию «асимметричной антропологии», согласно которой единственные существа способные на ответ в режиме резонанса — это человеческие существа. Эта эпистемология не может допустить, что мир, переживаемый нами в виде опыта, также испытывает воздействие этих встреч. Резонансы представляют собой существенные элементы процесса формирования идентичности. Этот факт подтверждается такими выражениями, как: «прочитав эту книгу», «услышав эту музыку», «встретив эту группу» или же «после восхождения на эту гору я стал другим человеком», которые являются стандартными элементами любого (авто-) биографического повествования, например, в интервью. Здесь важно отметить, что трансформационные эффекты резонанса находятся за пределами контроля субъекта: когда что-то действительно на нас влияет, мы не можем знать или предсказать заранее, как мы изменимся в результате происходящего.

Резюмируя вышеизложенное, резонанс как противоположность отчуждению определяется четырьмя ключевыми элементами. Во-первых, для него харак-

терно аффективное *воз-действие*, т.е. чувство, что нас действительно что-то тронуло. Во-вторых, резонанс характеризуется *э-моцией* как опытом ответного (в противоположность исключительно инструментальному) эмоционального действия личности. В-третьих, взаимодействие в режиме резонанса имеет трансформирующий эффект и, в-четвёртых, ему имманентно присуща непредсказуемость и неподконтрольность. Мы не можем создать резонанс инструментально или осуществить его по своей воле; он всегда трудноуловим. Иными словами, слышим ли мы сигнал или нет, это находится за пределами нашей воли и контроля. Причина отчасти состоит в том, что резонанс не выполняет функцию эха. Отношение резонанса не предполагает, что появляется возможность увеличить громкость собственного голоса или просто почувствовать себя более уверенным. Резонанс подразумевает встречу с настоящим «другим», который остаётся за пределами нашего контроля, который говорит своим собственным голосом или в корне отличен от нас и потому остаётся «чужаком» по отношению к нам.

Более того, этот «другой» должен быть пережит как источник «значимой оценки». Следуя идее Чарльза Тэйлора: только в этом случае мы чувствуем, что у этого другого есть что-то важное, что он может нам сказать или чему он может нас научить. В качестве другого могут выступать самые разные явления: человек, музыкальное произведение, гора или, например, историческое событие. Независимо от нашего желания мы действительно можем почувствовать себя «охваченными» вызванным им чувствами и взволнованными под его воздействием. Резонанс, таким образом, неизбежно требует момента самотрансценденции. Между тем, он вовсе не предполагает, что у нас есть чёткое представление об этом *другом*. Мы совершенно неожиданно можем быть тронуты и потрясены чем-то, что совершенно нам чуждо.

В силу этих обстоятельств резонанс — это не просто согласие или гармония, совсем напротив, *он требует различий* и чего-то *противоположного и противоречащего* для того, чтобы состоялась настоящая встреча. Таким образом, в абсолютно гармоничном или согласованном мире резонанс не может произойти, так как мы просто не смогли бы различить голос «другого» — и, как следствие, раскрыть и понять свой собственный голос. Однако мир, который наполнен только диссонансом и конфликтами, также не позволил бы пережить опыт резонанса: такой мир переживался бы только как отталкивающий. В общем, резонанс требует различия, которое делает возможным самопреобразующее восприятие и ответную реакцию, что влечёт за собой непрерывную взаимную трансформацию и адаптацию. Следовательно, резонанс возможен при срединном условии между согласованностью и полным диссонансом. Я убеждён, что по этой причине, концепция резонанса может преодолеть традиционное противостояние теорий и философий, основанных на идее идентичности, и концепций, опирающихся на идею различия. Резонанс требует не идентичности, а преобразующего переживания различия.

Неуправляемый и трудноуловимый характер резонанса вовсе не означает, что он происходит крайне редко и случайно. Несмотря на то, что реальным опытом резонанса невозможно полностью контролировать и предсказать, тем не менее, существует два элемента этого опыта, которые определяются социальными условиями. Именно эти обстоятельства дают возможность осмыслить помыслить понятие резонанса как инструмент социальной критики. Во-первых, субъекты переживают резонанс индивидуально и коллективно обычно вдоль определённых «осей» (или оснований) резонанса. Из этого следует, что если таким основанием является музыка, то любое посещение концертного зала, оперы или музыкального фестиваля предполагает вероятность переживания опыта резонанса. Для других таким основанием может быть музей, библиотека или храм, лес или берег моря. Более того, мы сами можем развивать социальные отношения, которые обеспечивают нас надёжной осью резонанса. Мы можем ожидать переживания резонанса, когда мы общаемся с нашими близкими, детьми или друзьями, даже если мы знаем, что очень часто такие встречи отмечены равнодушием или носят конфликтный характер. Исследования в сфере социологии труда показывают, что у многих людей складываются интенсивные отношения резонанса со своей работой, и не просто с коллегами на рабочем месте, а с материалами и задачами, над которыми они работают и с которыми борются. Поэтому тесто «отзывается» пекарю так же, как волосы — парикмахеру, древесина — плотнику, цветы — садовнику или текст — писателю. В каждой из этих рабочих ситуаций мы находим подлинное взаимодействие, которое включает опыт самозффективности, сопротивления, противоречия, восприятия так же, как и взаимной трансформации.

При более подробном анализе этих оснований мы обнаружим, что можно последовательно различить три различных измерения резонанса: социальное, материальное и экзистенциальное. К социальным осям относятся те, которые соотносят и связывают нас с другими людьми. В большинстве современных обществ любовь, дружба, а также демократическая гражданственность концептуализируются как «резонансные» отношения. К материальным основаниям относятся отношения, которые мы устанавливаем с определёнными объектами — природными или искусственными, произведениями искусства, амулетами или инструментами и материалами, с которыми мы работаем или используем для занятий спортом. Кроме того, следуя таким философам как Карл Ясперс, Уильям Джеймс и Мартин Бубер, я полагаю, что люди также ищут и находят экзистенциальные «оси резонанса», которые соотносят и связывают их с жизнью или бытием или вселенной как таковой. Философы-экзистенциалисты достаточно убедительно показали, что именно экзистенциальная потребность лежит в основании религиозного опыта и делает возможным само существование религии. Центральный элемент Библии, Корана или Упанишад — это идея о том, что в корне нашего существования, сердце нашего бытия находится не молчаливая, равнодушная или отталкивающая вселенная, мёртвая материя или слепой механизм, но процесс резонанса и реагирования.

Несомненно существуют и другие оси экзистенциального резонанса, которые не связаны с религиозными идеями. Так, например, природа переживается как высшая, всеобъемлющая и отвечающая реальность. Внимание голосу природы является не только центральной идеей идеалистической философии, но важной составляющей повседневных действий и практик. Удивительно схожим образом, искусство и музыка формируют оси резонанса для восприимчивых людей. В каждом случае резонанс не обязательно должен быть приятным, гармоничным опытом, но также может содержать тревожные аспекты.

Поскольку я утверждаю, что конкретные оси (основания) резонанса не заложены в человеке изначально, а исторически и культурно конструируются, установление некоторых из осей жизненно необходимо, так как они создают контекст, который предрасполагает человека к переживанию опытов резонанса. Переход в режим диспозиционного резонанса требует открытости риску быть уязвимыми. Теоретически такой риск подразумевает, что мы позволяем себе открыться тому, чтобы быть аффективно затронутыми и даже преобразёнными непредсказуемым и неконтролируемым образом. Следовательно, когда мы охвачены страхом, переживаем стресс, находимся в состоянии борьбы или сосредоточены на достижении определённого результата, мы не стремимся к резонансу и препятствуем ему. Напротив, резонанс опасен и вреден в таких контекстах. Исходя из вышесказанного, становится очевидно, что было бы глупо требовать, чтобы все находились в режиме диспозиционного резонанса. Способность выходить из этого режима, дистанцироваться от мира, занимать сдержанную, инструментальную, аналитическую позицию по отношению к нему, совершенно очевидно, является культурным достижением, которое незаменимо не только для сохранения современной науки и технологий, но в целом обеспечивает и поддерживает такую форму жизни, которая делает возможной резонанс человека в трех описанных выше измерениях.

Я убеждён, что концепцию резонанса мы можем использовать как теоретический инструмент критической социологии для осмысления существующих социальных условий. Отправной точкой данного подхода является понимание, что для полноценной жизни нам необходимы надёжные и стабильные оси резонанса по всем трём направлениям — социальному, материальному и экзистенциальному. Я считаю, что полноценная

жизнь возможна, если субъект находит и поддерживает эти три оси резонанса, что создаёт условия для периодического подтверждения экзистенциального ответа и взаимосвязи, то есть резонансного способа бытия. Такая жизнь становится невозможной, если условия существования резонансных осей и режима диспозиционного резонанса структурно или систематически разрушаются.

Господствующий институциональный механизм динамической стабилизации, который требует непрекращающегося роста, ускорения и инновации в целях воспроизводства социальной структуры и институционального статус-кво, неизбежно включает в себе тенденцию и потенциал систематического разрушения условий существования резонанса, поскольку он ввергает субъектов в режим «диспозиционного отчуждения». Субъекты вынуждены переключаться в овеществлённый, инструментальный режим отношения к объектам и субъектам с тем, чтобы приумножить и сохранить ресурсы, постоянно действовать в режиме ускорения и оптимизировать своё оборудование. Всеохватывающая логика конкуренции в особенности подрывает возможность переключения в режим резонанса — мы не можем конкурировать и быть эмоционально вовлечёнными одновременно. Кроме того, из неврологии и исследований эмпатии известно, что нехватка времени фактически срабатывает как предохранитель от резонанса. То же самое происходит, когда мы охвачены страхом. Страх заставляет нас воздвигать преграды и закрывать наше сознание. Он переключает нас на режим, в котором мы абсолютно точно пытаемся не быть затронутыми «миром». Следовательно, условия резонанса подразумевают контексты взаимного доверия и отсутствия страха, которые, в свою очередь, требуют времени и стабильных условий. И наконец, ещё одним препятствием для построения отношений резонанса являются условия труда в обществе позднего модерна. Повсеместная бюрократизация, ориентированная на то, чтобы полностью контролировать все процессы и их результаты с целью обеспечения эффективности и прозрачности, не совместима с непредсказуемостью и трансформативным потенциалом резонанса. Таким образом, то, в чём мы действительно нуждаемся, это последовательная критика условий существования резонанса. ■

Адрес для связи: Хартмут Роза <hartmut.rosa@uni-jena.de>

> Социологии нужно сотрудничество, а не балканизация

Интервью с Ясминкой Лажняк

Ясминка Лажняк — известный специалист в области социологии науки и технологий, социальных аспектов инноваций и инновационной политики, экономической социологии и социологии труда. Она является профессором социологии факультета социологии в Загребском университете (Хорватия), и президентом Хорватской социологической ассоциации (Croatian Sociological Association, CSA, далее ХСА). Её последняя книга в соавторстве с Ядранкой Шварц «*Innovation Culture in Crony Capitalism. Does Hofstede's Model Matter?*» (Инновационная культура при плутовском капитализме. Работает ли модель Хофстеде? 2017). Данное интервью является частью проекта, посвященного влиятельной социальной теории, который вместе с тем также нацелен на поиск точек пересечения международной и национальной социологии. Интервью провёл **Лабинот Кунушевиц**, ассоциированный член Сети молодых социологов МСА, магистр социологии Приштинского университета, Косово.

Ясминка Лажняк.

ЛК: Что Вы можете рассказать о своём опыте работы в Загребском университете и в Хорватской социологической ассоциации (ХСА)?

ЯЛ: Хотя статус профессиональных ассоциаций с недавних пор претерпевает изменения – меняется правовое регулирование и возникают некоторые финансовые ограничения, деятельность Хорватской социологической ассоциации (ХСА) становится более активной в последнее десятилетие. ХСА была основана в 1959 году и включала 50 участников. Сегодня в ассоциации более двухсот членов.

Ассоциация продолжает выполнять свою миссию по поддержке, развитию и защите социологии как профессии и научной дисциплины. ХСА опирается исключительно на добровольный труд своих членов, и я бы хотела пригласить в нашу ассоциацию больше социологов, которые трудятся

за пределами университетов. Последние исследования профессиональных траекторий показывают, что примерно половина выпускников социологических факультетов работает вне узких социологических специальностей и системы образования.

ЛК: Как функционируют программы, учебные планы и парадигмы, на основе которых развивается хорватская социология? Каковы отношения между университетом и рынком труда?

ЯЛ: Хорватская социология не развивалась на основе одной единственной парадигмы, несмотря на доминирование марксизма в социалистический период. Первый факультет социологии был основан в 1963 году в Загребском университете покойным профессором Руди Супеком, который считал социологию критической дисциплиной, обладающей

>>

эмпирической и теоретической автономией в рамках практической философии. Независимо от этой традиции, и в то же время вполне в духе критического мышления, некоторые из социологов выстраивали свою работу под влиянием иных парадигм, например, структурного функционализма, Чикагской школы и символического интеракционизма. Современная хорватская социология отражает мировые социологические тенденции в смысле своей мультипарадигмальности. Поскольку в Хорватии пять социологических факультетов, каждый из них стремится развивать свои собственные сферы исследования, теоретические и методологические подходы. Социология, как и многие другие дисциплины, сталкивается с проблемами развития новых технологий и новых профессий. Я думаю, что социология как дисциплина, обладающая универсальными категориями для создания «общей картины», надёжными базовыми знаниями и методологическими/статистическими навыками, могла бы обеспечить профессии социолога высокую позицию на рынке труда. Тот факт, что в Хорватии среди выпускников социологических факультетов наблюдается низкий уровень безработицы и существует широкий выбор не только непосредственно социологических позиций, но также рабочих мест, начиная от сектора НКО до муниципалитетов, подтверждает моё предположение.

ЛК: *Публичная социология приобретает все большее значение. Что Вы можете сказать по этому поводу относительно Хорватии и возможностей регионального сотрудничества?*

ЯЛ: Публичная социология как вид социологического знания, который сформировался для диалога с ненаучной общественностью, в Хорватии воспринимается как одно из главных предназначений социологии. Следование этой институционализированной и широко принимаемой перспективе стимулировало дискуссию о том, как публичная социология соотносится с социологией, ориентированной на политический заказ. Эти миссии дополняют и усиливают друг друга. Социологическая экспертиза является необходимой частью анализа социальной политики. Нам следует усовершенствовать учебные программы с тем, чтобы развивать навыки необходимые в прикладной социологии (*policy sociology*) для усиления регионального сотрудничества.

ЛК: *В статье «Integration of the Western Balkan Countries and Turkey in the Framework Programs: Some Empirical Evidence» (Интеграция стран Западных Балкан и Турции в Рамочных программах: некоторые эмпирические свидетельства), Вы, Ядранка Шварц и Юрай Перкович писали о барьерах кооперации между странами Западных Балкан и Турцией в Рамочных программах Европейского Союза. Каких результатов удалось достигнуть в этом сотрудничестве?*

ЯЛ: Насколько мне известно, Косово удалось достичь значительного прогресса за последнее десятилетие, но исследовательская инфраструктура до сих пор находится в неудовлетворительном состоянии. Как мы выяснили в своём исследовании, препятствия, с которыми сталкиваются страны Западных Балкан, мало чем отличаются от проблем, характерных для всего научного сообщества ЕС, но они серьезнее и их труднее преодолевать. Значительные улучшения инфраструктуры, расширение участия в международных исследованиях и инновационное сотруд-

ничество невозможно осуществить без инвестиций в исследовательский сектор. Политики, ответственные за развитие национальной науки, должны выработать меры по стимулированию независимых исследователей и исследовательских институтов к участию в международных исследованиях и инновационных проектах. Исследовательская кооперация и исследовательская мобильность должны стимулироваться специальными поощрительными мерами. Образование также должно быть более тесно взаимосвязано с исследовательской сферой.

Особое внимание должно быть уделено наращиванию потенциала исследовательских институтов. Хотя проведённый нами анализ показал, что исследователи относительно удовлетворены институциональной поддержкой и действиями руководства, тем не менее, создается впечатление, что эта удовлетворённость происходит от отсутствия представлений о том, какое дополнительное содействие они могли бы оказать. Было бы полезно учредить систему посредников — сеть консультантов или академических менеджеров в более крупных институтах университетов или консорциумах заинтересованных партий — которые бы выступали в качестве связующего звена между исследователями/институтами и администрацией ЕС.

ЛК: *Какой, на Ваш взгляд, должна быть стратегия противостояния рискам дестабилизации в регионе?*

ЯЛ: Это сложный вопрос. Наш регион всегда был подвержен множественным рискам, начиная от локальных, национальных и этнических конфликтов до рисков, которые угрожают всему миру и которых, как кажется, нам не удастся избежать. Это такие риски, как миграционный кризис и международный терроризм. Всегда легче преодолеть кризис, когда существует взаимопонимание по общим вопросам с небольшими соседними странами. Сотрудничество и открытый диалог, невзирая на различия — это лучшие средства решения общих проблем. Конечно, сказать легче, чем сделать, но я не вижу другого выхода. Когда экономическое благополучие всего региона находится в безопасности, тогда у нас появляется хорошая основа для кооперации. Открытые границы и свобода коммуникации являются необходимыми условиями для совместной работы.

ЛК: *Совершенно очевидно, что для решения кризиса в Косово потребовалось вовлечение значительных глобальных политических, дипломатических и военных ресурсов, так и многих международных институтов. Как Вы оцениваете возможности дальнейшего существования Косова и других балканских государств в суровой атмосфере предрассудков, внутрирегиональных конфликтов и геополитической игры великих держав?*

ЯЛ: Я не эксперт по Косово и, по сути, совсем мало знаю о текущей ситуации. В целом я бы согласилась с утверждением, что на Балканах слишком много истории, и что это бремя, от которого мы не можем легко освободиться. Косово как самое молодое государство, которое возникло из наименее развитого автономного региона бывшей Югославии, сталкивается со многими вызовами поздней модернизации и переходного периода. Это делает его более зависимым от международных финансовых институтов и великих держав. Настоящий кризис ЕС отсрочил расширение ЕС на все балканские страны, что могло бы

>>

способствовать стабильности в регионе. Предвзвещения и противостояние являются инструментами наших коррумпированных политических элит в борьбе за власть. Косово, имеющее больше половины молодого населения и высокий уровень безработицы, сталкивается с большой вероятностью риска затяжного кризиса, в случае если не будут проведены серьёзные структурные реформы. Поддержка образования, целью которого является обучение студентов самостоятельному образу мышления и действия — это самая важная мера в этом процессе. В противном случае мы столкнемся с угрозой того, что поколение миллениалов в нашем регионе будет ещё больше охвачено националистическими, этноцентристскими и тоталитарными настроениями, чем поколение их родителей, и даже больше, чем поколение их дедушек и бабушек. Социологическая теория и исследования могут помочь в построении доверия и сотрудничества в нашем регионе для того, чтобы бороться с процессом балканизации.

ЛК: *Как Вы считаете, существует ли риск того, что в ответ на растущую экспансию капитализма, граждане разных стран захотят вернуться к альтернативной государственной системе? Поскольку безответственный капитализм создаёт всё больше социальной несправедливости, он находится в глубоком структурном кризисе. Это особенно видно на примере Восточной и Юго-Восточной Европы, где политический класс, который пришёл к власти после краха коммунистического режима, состоит в основном из коррумпированной политической элиты, и где наблюдается упадок деятельности правоохранительных органов. Какие у Вас есть объяснения и предположения в этой связи?*

ЯЛ: Представительная демократия ставится под сомнение во многих странах и регионах. Многие отдадут предпочтение системе прямой демократии и альтернативным моделям управления, хотя последние и не приносят ожидаемых улучшений в демократизацию процесса принятия решений и общественного влияния по широкому спектру вопросов.

Процесс демократизации в переходных обществах разочаровал многих граждан. Ответ на эти проблемы возник, с одной стороны, в форме движений, выступающих за прямую демократию; с другой стороны — в форме различных популистских движений. Однако до настоящего времени этим движениям не удалось оказать какое-либо серьёзное влияние на государственно-олигархический капитализм как доминирующий тип политической системы в регионе.

Дефицит демократии больше всего очевиден в неудавшейся попытке ограничить власть финансовых секторов и коррумпированной политической элиты. В процессе перехода от социализма к либеральным демократиям в Восточной и Юго-Восточной Европе возникли различные модели капитализма, от либерально-рыночных до более или менее социально-корпоративистских вариантов. Наш регион не смог избежать формирования той или иной формы политического капитализма, который на сегодняшний день властвует во всех балканских странах. Несмотря на то, что в глобальной перспективе в нашем регионе показатели социального неравенства не являются вопиющими, разрыв между маленькой группой богатой элиты и обедневшими средними классами растёт. На мой взгляд, для позитив-

ного развития региона необходима бескомпромиссная политика борьбы с коррупцией в политической сфере, независимость судебной системы и новые экономические модели, которые повысят занятость населения.

ЛК: *Британский социолог Энтони Гидденс в интервью отметил, что в настоящее время ЕС проходит через особенно трудный этап своего развития, и доверие к ЕС среди граждан существенно снизилось в некоторых государствах-участниках. Как можно охарактеризовать позицию Косова и Хорватии по отношению к европейскому и глобальному кризису?*

ЯЛ: Хотя я никогда не была евроскептиком, очевидно, что у евробюрократов нет правовой основы и оперативных средств для того, чтобы справиться с проблемами, возникающими в Европе. Разрыв между институционализированной властью в Брюсселе и в ЕС, низкий уровень ответственности за отложенные и неудачные политические шаги, уменьшают доверие ЕС. Это нужно изменить. Еврокризис является результатом несогласованной монетарной и фискальной политики. Общий рынок труда, капитала и товаров не может функционировать с такими разными договорённостями, существующими внутри Еврозоны.

ЛК: *Гидденс также говорит о том, что только дальнейшее развитие ЕС может потенциально разрешить проблемы балканских стран. Он сказал, что важно, чтобы Сербия последовала за Хорватией как страна-участник Евросоюза, и его искренняя надежда заключается в том, что этот процесс будет содействовать последующему вхождению Косова в ЕС. Мой вопрос заключается в следующем: поскольку Косово — маленькая страна, которая получила независимость только десять лет назад, она до сих пор сталкивается со многими вызовами, особенно это касается процесса либерализации виз и интеграции в ЕС. Эта изоляция ограничивает свободу передвижения, связи с другими европейскими странами и культурами, доступ на европейский рынок труда и признание на европейском рынке, в то время как 60% нашего населения находится в возрасте до 25 лет. Мы чувствуем необходимость интеграции и принадлежности Европейскому союзу. Как Вы считаете, что должно быть сделано для интеграции Косова в ЕС?*

ЯЛ: Я согласна с уважаемым коллегой. Моё предложение согласуется с аргументами, которые я озвучила в ответах на предыдущие вопросы. На пути интеграции в ЕС существуют препятствия, которые могут замедлять процессы согласования. Высокий уровень эмиграции из Косова также не содействует процессу интеграции в ЕС. Я понимаю стремление Косова к членству в ЕС, наблюдая опыт долгого и извилистого пути, который прошла Хорватия. Стабильность и социальная безопасность представляются главными условиями для дальнейшей интеграции, хотя с появлением новых кандидатов планка для вступления в ЕС поднялась. Тем не менее, я верю в будущее ЕС и в преимущества членства для (полу) периферийных европейских стран. Не оправдавшие себя ожидания относительно скорого повышения уровня жизни и льгот, которые предоставляются медленнее, чем предполагалось вначале, не должны препятствовать социальным и экономическим реформам. ■

Адрес для связи: Лабинот Кунушевци <labinotkunushevci@gmail.com>

> Сила аутсайдеров: китайские компании-застройщики и крестьянское сопротивление

Юэ Ду, Висконсинский университет в Мэдисоне, США, член ИК21 МСА по региональному и городскому развитию (RC21)

Полуразрушенный «дом-гвоздь» в поселке городского типа в Восточном Китае. Июнь 2017. Фото Юэ Ду.

На окраине одного из быстро растущих китайских городов житель наполовину уничтоженного «дома-гвоздя» разогнал представителей строительной компании, угрожая им двумя кухонными ножами. Он обвинял «банду демонтировщиков» в постоянном преследовании и угрожал убить застройщика. В течение последних нескольких лет большинство соседей этого жителя поселка отказались от защиты своих домов: они получили компенсацию за свой участок земли и переехали в высотные многоквартирные дома. Тем не менее, двадцать семей в этом поселке отказались покинуть свои дома. Три месяца спустя, когда я сопровождал представителя застройщика в качестве исследователя, изучающего политику урбанизации в Китае, я смотрел и ужасался тому, как бульдозеры сносят двухэтажные сельские дома противников застройки. Один из жителей этих домов разлил бензин вокруг своего дома, поджёг бак с бензином, закрыл дверь, забрался на крышу дома и ждал, когда взрыв унесёт его жизнь.

Пока я смотрел на все это, ребята из частной службы безопасности застройщика сняли сопротивленца с крыши его дома, оперативно потушили огонь и пригнали бульдозер, чтобы сравнять здание с землёй. Это был десятый «дом-гвоздь» (термин, который применяется для обозначения домов крестьян, которые упорно сопротивляются новой застройке),

который они уничтожили в то утро. Первые девять построек они демонтировали менее чем за час.

Стремительная урбанизация Китая дала толчок масштабной экспроприации земель: миллионы крестьянских семей вытесняются и переселяются, получая при этом минимальную компенсацию. За последние десять лет центральная государственная власть реформировала правовые и институциональные структуры, которые контролируют переустройство земель, стремясь защитить крестьян и сельскохозяйственные угодья. Однако поскольку продажа земель по-прежнему является главным источником дохода для муниципалитетов, местные китайские власти повсеместно продолжают экспроприировать сельские земли, переселяя крестьян и используя жилые районы для коммерческих целей.

Сегодня недовольство, связанное с отчуждением крестьянских земель, является основной причиной общественных протестов в Китае. Потеряв надежду сохранить свой единственный источник дохода, исчерпав все другие способы решения проблемы, отчаявшиеся крестьяне используют свои собственные тела как рычаг морального воздействия: они упрямо продолжают жить в своих старых домах, которые продолжают стоять как вбитые в землю гвозди.

>>

Большинство социологических дискуссий о народном сопротивлении и контроле в Китае касаются тем противостояния государства и общества. Социологи идентифицируют муниципальные и сельские власти как главных акторов в замалчивании сопротивления крестьян, связанного с экспроприацией земель. Однако фокусируя внимание исключительно на государственных акторах, учёные упускают из виду другой мощный источник подавления крестьян — частные компании застройщиков недвижимости. Местные власти позволяют строительному бизнесу отчуждать земли и выселять крестьян, и это является результатом нового подхода Китая к финансированию городской инфраструктуры.

На протяжении двух десятилетий местные китайские власти использовали банковские займы для финансирования расчистки жилых районов и жилищной модернизации. Но с 2016 года центральное правительство полностью запретило использовать банковские кредиты для экспроприации земель, побуждая местные власти к использованию такого источника финансирования как муниципальные облигации. Не полагаясь на молодые рынки облигаций, местные власти решили обратиться за помощью к местному союзнику — частным строительным компаниям.

Во время моего полевого исследования в 2016-2018 гг. я наблюдал частные компании застройщиков, которые принимали активное участие в каждом этапе экспроприации земель. Я видел, как агенты строительных компаний применяют разнообразные стратегии для того, чтобы свести на нет требования крестьян, сопротивляющихся изъятию их земельных участков.

Как отмечают некоторые обозреватели, местные китайские власти иногда полагаются на «наемных бандитов», чтобы заставить замолчать сопротивляющихся жителей домов-гвоздей. Но бывает и иначе. Часто сельское начальство симпатизирует крестьянам и вместо того, чтобы следовать указаниям сверху, представители местных властей присоединяются к деревенским жителям и сами становятся защитниками таких домов-гвоздей.

Неконтролируемое насилие может привести к жертвам и общественному резонансу. Когда это произойдёт, нынешняя стратегия экспроприации земель может создать обратный эффект, в некоторых случаях побуждая центральные власти принять суровые меры и нанести вред карьере местных бюрократов. Передавая полномочия по применению насильственных мер частным застройщикам, местные власти стремятся избежать обвинения в притеснении своих односельчан. Таким образом они эффективно достигают своих целей — выселяют сельских жителей и демонтируют их дома. Застройщики могут нанимать опытных бандитов (так называемую «бригаду подрывников»), у которых уже есть репутация выселения «без жертв», которую они получили благодаря сносу домов-гвоздей в других деревнях.

Участники бригады подрывников вытаскивают сопротивленцев из их домов, при этом избегая нанесения физических травм. Риск быть побитыми сельскими жителями в процессе этой операции щедро оплачивается компанией-застройщиком. Как напомнили мне представители местных властей и работники строительной компании, центральное и провинциальное правительства, как прави-

ло, вмешиваются в ситуацию только тогда, когда протесты получают освещение в СМИ. Последнее происходит чаще всего только тогда, когда выселение крестьян сопровождается серьёзными жертвами или большим количеством протестов. Минимизируя физические травмы, представители частных служб безопасности подрывают «политику тела» жителей домов-гвоздей и сокращают вероятность вмешательства центрального правительства.

Продолжительное сопротивление со стороны жителей домов-гвоздей, несомненно, ещё более усугубляет эти процессы. Крестьяне, которые отказываются покидать свои дома, становятся причиной значительной задержки строительных работ и быстрого роста процентных выплат, иногда способствуя банкротству небольших строительных фирм-однодневок.

Однако когда сопротивление сельских жителей сталкивается с крупными строительными компаниями, которые могут позволить себе подождать, крестьянские семьи оказываются совершенно бессильными. В повседневном противостоянии жители домов-гвоздей, становятся объектами постоянного давления со стороны демонтажных бригад: их окна могут разбить хулиганы, вода и электричество перекрываются местными властями. Для многих протестующих длительные физические и психологические страдания становятся опасными для здоровья, приводя к инсультам, сердечным приступам, тревожности или депрессии. К тому времени, когда в заключительном рейде бульдозеры сравнивают дома с землёй, сопротивленцы уже доведены застройщиками до психического и физического истощения.

Хотя все жители домов-гвоздей борются за справедливую компенсацию, причины их сопротивления различны. На окраинах больших городов семьи ведут ожесточённую борьбу, потому что выселение из сельского дома лишает их единственного источника дохода: многие «городские селяне» строят на своих земельных участках дома в несколько этажей, и впоследствии сдают комнаты трудовым мигрантам и офисному персоналу или открывают небольшой бизнес на первом этаже. В периферийных поселках городского типа крестьяне становятся жителями таких домов-гвоздей, потому что они не могут позволить себе проживание в квартирах, которые им предлагают взамен. Оказав помощь своим детям в приобретении жилья, старшее поколение часто остаётся не у дел, продолжая жить в полуразрушенных домах и не имея другого выбора.

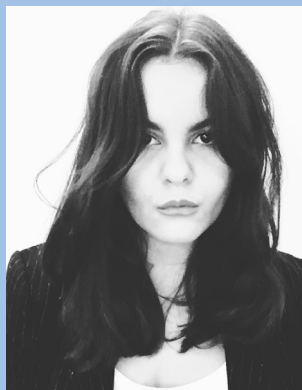
Независимо от причин, по которым крестьяне защищают свои «дома-гвозди» от сноса, эти конфликты имеют тяжёлые последствия. В одной деревне я видел, как пожилой крестьянин в порыве гнева бросился под колёса припаркованной машины сотрудника агентства недвижимости, клянясь, что он отомстит обидчикам. Размахивая длинной деревянной палкой, хозяин дома угрожал нанести вред любому, кто к нему приблизится, включая жену, которая пыталась его успокоить. Его лицо побагровело, дыхание стало прерывистым, жена разрыдалась. «У него сердце! Я знаю, однажды он умрет на месте от сердечного приступа, если мы будем и дальше жить, как сейчас», — говорила она сквозь слезы. Но, похоже, её никто не слушал. ■

Адрес для связи: Юэ Ду <yue.du@wisc.edu>

> Представляем румынскую команду «Глобального диалога»

| Раиса-Габриэла Замфиреску

| Диана-Александра Думитреску

| Юлиан Габор

| Родика Лисяну

| Мэдэлина Маня

| Бьянка Михэйлэ

| Андрея Молдовяну

| Оана-Элена Негря

| Мьоара Параскив

**GLOBAL
DIALOGUE**

Раиса-Габриэла Замфиреску — докторантка Бухарестского университета. Получила степень бакалавра по социологии на факультете социологии и социальной работы (Бухарестский университет) и две магистерские степени, одну — в области информационного менеджмента по противодействию терроризму (Национальная академия разведывательной службы, «*Mihai Viteazul*» *National Intelligence Academy*), другую — в области информационного анализа и изучения проблем безопасности (совместная программа Бухарестского университета и Румынской службы разведки). Исследовательские интересы весьма разнообразны — от проблем безопасности до гендерных исследований и кластерного анализа. В своей диссертации она фокусируется на том, как эти темы раскрываются в телевизионных СМИ, особенно в американских. В настоящее время ведёт семинары по статистике и политической социологии.

Диана-Александра Думитреску — соискатель степени PhD по социологии в Бухарестском университете. Получила степень бакалавра по социологии на факультете социологии и социальной работы (Бухарестский университет) и две магистерские степени, одну — в области глобальных медиа и коммуникации, вторую — в области информационного анализа (Уорвикский университет, Великобритания) и изучения проблем безопасности (совместная программа Бухарестского университета и Румынской службы разведки). В настоящее время она занимает должность помощника руководителя проекта в отделе социальных наук в Исследовательском институте Бухарестского университета (*ICUB*) и ведёт методологические семинары.

Юлиан Габор — докторант Бухарестского университета. Сфера его интересов — экономика совместного потребления, а именно такие области, как каршеринг, совместная аренда автомобиля, онлайн сообщество по поиску попутчиков, устойчивое развитие и автостоп. Как этнограф в своей диссертации он исследует поведение пользователей. Он также работает в экологической НКО и поддерживает позитивный образ мышления, считая, что «наши знания, совмещённые с исследованием, креативностью и технологиями способны решить многие из наших будущих проблем».

Родика Лисяну — докторантка Бухарестского университета. Имеет магистерскую степень в области изучения проблем безопасности на факультете социологии и социальной работы и также степень магистра политических наук в Бухарестском университете и Высшей школе социальных наук (*EHESS*) в Париже (Франция). Её исследовательские интересы — сфера социологии образования. В настоящее время она изучает детей, бросивших школу в Румынии, акцентируясь на причинах, факторах влияния и социальных акторах невидимого прекращения учёбы в школе.

Мэдэлина Маня получила степень бакалавра политики в Университете Ноттингем Трент (Великобритания) и степень магистра перспективных социологических исследований в Бухарестском университете. С начала обучения в аспирантуре она работает научным сотрудником в двух международных проектах, *YMOBILITY* и *TEMPER*, являясь участником команды Центра исследований по проблемам миграции в Бухарестском университете.

Бьянка Михэйлэ — магистрантка факультета социологии и социальной работы Бухарестского университета. Её исследовательские интересы — транснациональные сети соавторства. Предметом анализа в этой области для неё является влияние транснациональных взаимосвязей на продуктивность научной деятельности исследователя. В своей работе она применяет анализ социальных и личностных сетей. В настоящее время она является ответственным редактором журнала *International Review of Social Research* издательства *Walter De Gruyter* (Международный обзор социальных исследований, издательство Вальтер де Груйтер).

Андрея Молдовяну — соискатель степени PhD по социологии в Бухарестском университете. Имеет степень магистра на факультете социологии и социальной работы. Её главный исследовательский интерес связан с государственным и центральным управлением в секторе научно-исследовательской работы и инновационных разработок. У неё широкий круг интересов — от государственного и муниципального управления до эйджизма в графических романах и комиксах. В настоящее время она также ведёт семинары по методологии социальных исследований.

Оана-Элена Негря — соискатель степени PhD по социологии. Получила бакалаврскую и магистерскую степени в Бухарестском университете. Её исследовательские интересы находятся в области социального неравенства и гендерных исследований, с фокусом на экономическом гендерном неравенстве и секторальной гендерной сегрегации на румынском рынке труда. Она также работает ассистентом преподавателя и ведёт курс по методике и технике социологического исследования.

Мьоара Параскив — специалист в области социологии и психологии. В настоящее время соискатель степени PhD по социологии в Бухарестском университете. Её диссертация посвящена исследованию программы групповой работы с лицами, совершившими преступления на сексуальной почве, которые находятся под стражей или получили условный срок наказания. Сейчас она также работает в качестве консультанта по надзору за условно осуждёнными.